

ПИОНЕР



ИЮЛЬ

Издательство «Правда» 1951 г.

7



ПИОНЕРСКИЙ ФЛОТ

Платон Воронько

Будто крылья чаек,
Паруса мелькают,
Проплывает пионерский флот.
Ветер набегает,
Вёслам помогает,
Брызги синие летят на борт.

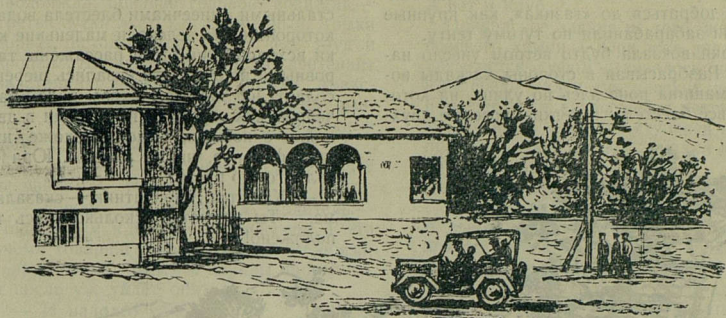
Смотрит вдаль Микола,
Капитан весёлый,
Малыши толпятся у реки,
Руки поднимают,
Взглядом провожают.
— Эй, и нас возьмите в моряки!

— Подрастайте... Что же,
Поплывёте тоже! —
Усмехнулся юный капитан.
Рассекая волны,
Устремились чёлны
В розоватый утренний туман.

Будто крылья чаек,
Паруса мелькают.
Наступает жаркая пора.
Дальним океаном
Грезят капитаны
На просторе синего Днепра.

Перевёл с украинского
Алексей Марков





С ПРИЕЗДОМ

Рассказ Георгия Дмитриева

Рисунки Ф. Лемкуля

Как только поезд замедлял ход, Юра, да и мама тоже прилипали к забрызганному дождём окну: не станция ли наконец? Обоим хотелось скорей увидеть папу. Как-никак, они расстались с ним пять месяцев назад. Уезжая служить на далёкую южную границу, папа решил, что мальчик окончит учебный год в своей школе; весной же Юра с мамой приедут к нему.

Юра никогда не был в Армении. Легко представить, как ждал он этого дня! И всё-таки больше всего ему хотелось увидеть папу, который обещал встретить их на станции.

Наконец прогрохотали стрелки, замелькали на запасных путях бурые товарные вагоны. В купе заглянул проводник.

— Четыре минутки стоим, — предупредил он. — Давайте-ка я вещи поближе к дверям поднесу.

Поезд шёл уже медленно мимо станционного сада, мимо розового с арками вокзала. И вдруг Юра радостно закричал, а мама, словно маленькая, захлопала в ладоши: у самого тамбура мелькнула зелёная фуражка.

Прозвенели буфера, вагон последний раз качнуло. Юра соскочил на мокрый от дождя перрон. Проводник поставил рядом чемодан... А папы не было.

— Где же он? — растерянно сказала мама, медля сойти с подножки, чтобы лучше видеть.

Вот и зелёная фуражка, но совсем не папина. Невысокий солдат в защитном

комбинезоне шёл сюда, заглядывая в каждый тамбур. Поровнявшись с приежими, он остановился.

— Не к старшему лейтенанту Поляину прибыли? — спросил он.

— Да, да! — Мама живо спустилась с подножки.

— А где же папа? — Юра всё ещё озирался, надеясь увидеть отца.

— Старший лейтенант очень занят. Тут такое дело, — никак ему невозможно с участка отлучиться, — сказал пограничник.

— Но он здоров? — спросила мама.

— Так точно, в полном порядке! — ответил солдат. — Машина вас ждёт.

— А вы шофёр? — спросил Юра. От защитного комбинезона шёл увлекательный запах бензина, масла, каучука.

— Водитель, по-нашему, — улыбнулся пограничник. Он крепко пожал руки маме и Юре. — Ефрейтор Котомка.

— А машина какая? — интересовался Юра.

— «Газ шестьдесят семь», или, просто сказать, «газик».

Загудел паровоз. Вагоны стали незаметно двигаться. Проводник вынул жёлтый сигнал и стал на подножку.

— Счастливо доехать!

Водитель Котомка уже держал в руках два самых больших чемодана.

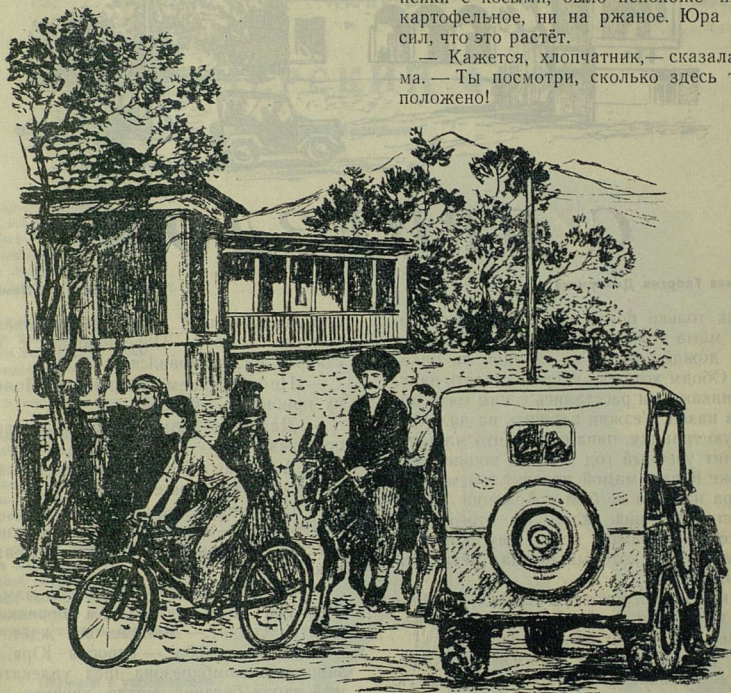
— Надо в машину. Как бы дождь не замочил.

И, правда, только успели, обойдя вокзал, добраться до «газика», как крупные капли забарабанили по тугому тенту.

Арки вокзала будто ветром унесло назад. Разбрасывая в стороны каскады воды, машина понеслась по улице, на которой всё блестело: и лёгкие, розовые двух-

причесал землю гребешком. Между ними стальными линейками блестела вода, над которой нежно зеленели маленькие кусты всходов. Они были рассажены такими ровными рядами, что казались шеренгами солдат на параде, а всё поле, расчерченное, как страница из тетради в две линейки с косыми, было непохоже ни на картофельное, ни на ржаное. Юра спросил, что это растёт.

— Кажется, хлопчатник, — сказала мама. — Ты посмотри, сколько здесь труда положено!



Машина въехала в селение.

этажные домики, и свежая зелень, и глянцевиные от дождя садовые скамьи в парке, и шарики уличных фонарей, отражённых мокрым асфальтом. Папа писал, что это молодой город и что лет пятнадцать назад здесь была пустыня.

Кончился городок сразу: просто за крайним домом, таким же красивым, как все остальные, к дороге подступили белые стволы тополей. А за ними, влево и вправо, насколько хватает глаз, лежали аккуратные бороздки, будто кто-то любовно

— Тут, правда, всё больше машины, — отозвался Котомка. — Тракторы, культиваторы. А теперь и хлопкоуборочные придумали. Но, конечно, и человеку дела хватает. За каждым кустиком глаз нужен. Есть такие девушки-колхозницы: только что пульт тем кустикам не щупают да с ложки не кормят!

Котомка говорил, не поворачивая головы, не отрывая глаз от дороги, и потому казалось, что он разговаривает сам с собой.

— А сейчас им хлопот с этим дождём! — продолжал, покачив головой, водитель. — Третьи сутки льёт, как скаженный. Арыки порвёт, всходы смоеет, — вот весь труд и пропал... Да и товарищ старший лейтенант на станцию из-за того не поехал. Аракс-река балует. На нашем участке берег размыл. Там сейчас все до одного свободные люди с заставы.

— Значит, мы папу и на заставе сейчас не увидим? — вздохнула мама.

— Никак нет, — ответил водитель. — Поднажмём, к шести часам поспеем. В это время товарищ старший лейтенант обязательно придёт людей в наряды проводить, а после уж уйдёт опять.

— И надолго уйдёт?

— Это как дело обернётся, может, и до утра. А мы к шести поспеем, захватим. Мне так и приказано: к восемнадцати ноль ноль вас доставить. Захватим! Вот только в сельклуб завернём: велено литературу взять. Да это недолго!

Дождь притих, кое-где проголубело небо. Впереди на шоссе встала густая купа деревьев. Она быстро разрасталась навстречу. А потом на зелени проступили домики: то глиняные с плоской крышей, то беленные под красной черепицей.

Машина въехала в селение. Отражения платанов дрожали в воде ручья, поднятого насыпью выше дороги.

— Арык, — сказал Котомка.

Ручей сворачивал в переулок, по обе стороны которого тянулись глухие глиняные заборы — дувалы. В прижавшиеся к земле домики с плоскими крышами шли электрические провода. На маленьком ослике ехал, чуть не касаясь подошвами земли, высокий старик, за спиной которого примостился, обхватив руками его живот, курчавый, чёрный, как воронёнок, мальчишка. Но ослику, видно, было не тяжело: он весело семенял маленькими ножками по латунно-блестящим лужам. Его обогнала на велосипеде, звеня без толку, девчонка в пионерском галстуке и лыжных штанах. Старуха в необъятной алой юбке покачала вслед девчонке плотно закутанной, несмотря на тепло, головой. На улице стоял пряный аромат.

— Пшат цветёт, — сказал Котомка, указывая на дерево с серебристо-бирюзовой листвой, всё в жёлтых кисточках цветения. — Радостное дерево! Одно у нас на заставе растёт, а вечером на весь двор пахнет. Оттого его здесь и любят. Ну, и

плод опять же — ягода вроде финика... А вот и клуб.

Прекрасное здание из того же лёгкого, розового камня — Юра уже знал, что он называется туфом — казалось неожиданным среди маленьких плоских домиков и по-деревенски разросшейся зелени. У незаконченных широких ступеней подъезда, прямо на траве, рядом лежали два вызолоченных льва.

— Ой! — сказал Юра. — Как собаки!

— Это комсомольцы клуб строят. А львов не успели ещё положить под колонны, по бокам крыльца, — пояснил Котомка. — Их в Ереване знаменитому мастеру заказывали; хотят, чтобы здесь клуб лучше всех был... Сейчас, видать, все на поле дежурят по такой погоде.

Он остановил машину напротив клуба, у длинного глиняного дувала. Во дворе за ним стояла новенькая светлоколадная машина — «москвич». А к машине была привязана цепью собака, свернувшаяся под ней плотным рыжим бубликом. Это было, пожалуй, посмешней, чем золочёные львы на травке. Но спросить, зачем собака привязана к машине, было не у кого. Мама только засмеялась и пожалала плечами, а Котомка уже ушёл в клуб.

Мальчик подошёл к дувалу и увидел сидящего под виноградной аркой около дома человека. В его чёрной бороде густо струились серебряные пряди. От нависших бровей и большого загорелого носа лицо казалось суровым, и Юра не решился обратиться к старику с вопросом. Но тот сам пришёл на помощь.

— Бойся машины, — сказал он и улыбнулся. — Трусит. Машина во двор — собака со двора. Хвост подожмёт — и бежать... Привязали, пусть привыкает.

— Машина, значит, ваша? — спросил Юра, осмелев.

— Младшей дочери... Хлопкоробка! — Старик говорил отрывисто, с акцентом. — Такой урожай прошлый год сняла, — всех стариков опередила!

— Сколько же ей лет? — заинтересовалась разговором мама и тоже вышла из машины. — Где она?

— Семнадцать... А быть ей где же? Аракс шалит, арыки шалят. Прорвутся — всходы смоеют. На поле она, с бригадой.

Но тут Юра увидел такое, что сразу забыл и про собаку и про машину. Рядом со стариком, на скамье лежал большой

лук с тетивой и стрелами. Никогда он не видел такого чудесного лука. Красную кору гибкого дерева украшала резьба. Тетива, сплетённая из разноцветных ниток, оканчивалась кисточками. Но особенно хороши были стрелы, оперённые невиданными жёлтыми пёрышками. Стрельнуть из такого лука можно, наверно, шагов на сто! Мама, пожалуй, опять скажет: ты уже большой, а это детская игрушка... Но из такого лука и планёр запустить можно.

Не сводя глаз с лука, Юра вошёл в калитку. Подойдя к скамье, потрогал лук:

— А это чей?

— Внук стреляет. Сын старшей дочери.

— Можно разок стрельнуть?

— Стреляй, пожалуйста, — улыбнулся старик.

Но только взялся Юра за стрелу, как у машины появился водитель Котомка.

— Готово. Можно ехать, — сказал он.

Конечно, жалко было оставлять лук, так и не стрельнув ни разу. Но не заставить папу было бы ещё обиднее.

Дождь опять словно ждал, когда они сядут в машину, — забарабанил по тенту, затянул даль. Сквозь живую завесу струй видны были только тополи, да бежал рядом невысокий, ровный земляной вал. Юре показалось, что наверху идут волны и что за этим земляным валом плещет море: вот-вот перельётся на шоссе, на раскинувшуюся по другой стороне равнину. Мальчик догадался, что это такой же арык, как он видел в деревне, только гораздо больше. Котомка с тревогой поглядывал на арык.

— Ишь, что делается! Как высоко вода идёт. По самый край. Беда! А нужды в дожде и нет вовсе. Как придёт время хлопчатник полить, разберут перемычку, вода — сколько нужно — поле зальёт, и точка!

— Посмотреть бы! — сказал Юра.

— Ещё насмотришься, — улыбнулся Котомка. — Это лет пятнадцать назад в диковину казалось, когда была здесь голая степь, как на турецкой стороне: ни кустика, ни травинки. А сейчас-то...

Он вдруг резко затормозил. На шоссе, наперерез машине, сбежали с откоса арыка две девушки. Они были в ярках, до нитки мокрых кофточках. Струи дождя расплели их чёрные косы. Обе что-то кричали, тревожно жестикулируя.

Машина стала. Котомка высунулся набок.

— Ой, арык! Перемычка! Порвёт! — кричали девушки, перебивая друг друга. Не сразу стало понятно, что просят они скорее ехать к бригаде, которая работает впереди, звать людей на помощь.

Котомка вышел из машины поглядеть, Юра стремительно выскочил вслед, не слыша, как мама зовёт его. Они взбежали на откос.

Заполнив арык до краёв, кое-где выплескиваясь из него, мчалась рыжая вода в гневных ключьях пены. Когда перешли на ту сторону по брошенным поперёк доскам, сразу стало ясно, что испугало девушек. Вода наполовину размывла перемычку, отдающую этот большой арык от маленького, идущего на поле. Юра представил, как хлынет сейчас взбесившийся пенистый вал на нежные светлогелёные кустики, безжалостно смывая их.

— Эх, дела! — крикнул Котомка. — Куда ж тут, девушки, за людьми ездить! Здесь вот-вот прорвёт... Пособить бы вам... — Он нерешительно поглядывал то на ручные часы, то на машину.

Мальчик сразу подумал, что тогда они уже, наверно, пропустят папу. Но нельзя же было уехать, оставить без защиты эти кустики хлопка!..

Котомка подмигнул Юре с видом сообщника.

— А мы мигом! Собирай вон там камни да носи сюда. Подпорку сделаем. Девчата! За лопаты да дёрн режьте. Живо!

И работа закипела. Обрадованные девушки схватили лопаты. Юра перекидывал камни поменьше, а водитель ворочал такие глыбы, что страшно глядеть. Откуда-то взявшийся мальчишка, не старше Юры, такой же чернявый, мокрый и босой, как девушки, помогал им. В пылу работы никто не заметил, как мама вышла из машины. Юра увидел её только тогда, когда она стояла рядом.

— Мы, что же, решили уже не спешить к шести часам? — спросила она, глядя на водителя. Но тот не слышал.

— Давай, давай! Поворачивайся! — кричал он девушкам, с усилием вкатывая на откос громадный камень. Налившееся кровью лицо его блестело от пота.

Тогда мама повернулась к Юре:

— Ой, да на что же ты похож! Мокрый, грязный...

— Сейчас, мамочка! — в отчаянии крикнул Юра.

И тут вдруг вода всё-таки прорвалась, выбросив пока ещё тонкую, но упругую и злую струю.

— Дёрна!—страшным голосом закричал Котомка, падая грудью на край арыка. — Камней!

Мама повернулась на его крик и, увидев пробившуюся воду, кинулась к девушкам, схватила кусок подрезанного дёрна.

Юра снова побежал за камнями. А когда они вместе с черноволосым мальчиком, пыхтя и спотыкаясь, принесли большой кругляк, Котомка, мокрый и красный, кричал маме, укладывавшей дёрн:

— Куда? Куда? Левее... Так... Теперь лопату мне, быстрее!

Мама послушно бросилась за лопатой.

Ещё не раз пришлось подносить и камней и земли; ещё долго укреплял и притрамбовывал водитель наведённый у перемычки «пластырь», пока наконец бросил лопату.

— Всё! Теперь уж если где и прорвёт, то по живому месту, а здесь — точка! Да оно, вроде, и вода тише пошла. А вот и солнышко!

Тут только все заметили, что дождя уже нет. Полнеба синело, как вымытое. А на листочках спасённого хлопчатника горели, переливались миллионы весёлых капель.

Мама вдруг громко рассмеялась:

— Хороши мы с тобой к папе явимся!

При этих словах Котомка быстро глянул на часы и сразу помрачнел. Он неловко одёрнул пояс и спросил:

— Разрешите ехать?

— Теперь-то уж можно и не спешить, всё равно опоздали к сроку,— сказала мама грустно.

Водитель совсем смутился.



Работа закипела. Обрадованные девушки схватили лопаты.

— Восемнадцать ноль-ноль... А тут такое дело...— пробормотал он и, решительно зашагав к машине, принялся обтирать забрызганный грязью кузов.

Уже когда тронулись, с бугра сбежали, что-то крича вслед, девушки, возившиеся до тех пор у перемычки. Должно быть, поблагодарить за помощь хотели. Но Котомка сердито придавил ногой педаль, машина взвыла не своим голосом, рванулась и заскакала по лужам, расплескивая их.

Небо яснило всё больше. Поля хлопчатника сменялись яркой зеленью виноградников или садами абрикосовых деревьев с порозовевшими на концах веток листьями. Котомка отвечал на вопросы коротко и хмуро. Мама тоже молчала. А Юре было грустно думать обо всём; и что не увидит папу до утра и что некому рассказать про сегодняшние впечатления: в свою школу он уже не вернётся, а в здешней мальчишки

знают всё это лучше его. Словом, все немного приуныли.

Юра следил за странными облаками, громоздившимися впереди, на юге. Некоторые из них легко скользили слева направо, другие стояли неподвижно, напоминая чётким рисунком сказочную снежную гору. А когда исчезли последние бегущие облака, оказалось, что это в самом деле громадная гора. Она закрывала весь кругозор своими сизыми в складках склонами. Высоко в небо уходили двумя сахарно-белыми конусами вечные снега.

— Арабат! — крикнул Юра, вспомнив папины письма. — Это уже в Турции. Вот интересно-то!

Мама выглянула из машины, любуясь горой. А Котомка проворчал:

— И никакого интереса в этой Турции нет. Одна нищета и отсталость. На буйволах деревянной сохой пахут. Скучная страна... А вот и застава.

Справа от дороги, среди деревьев, протянулась длинная красная крыша, над ней встала лёгкая, словно из спичек, вышка. Между перекладинами вилась лестница, а на самом верху примостилась будка с балкончиком вокруг. Там прохаживался крохотный часовой.

— Будет мне теперь от старшего лейтенанта! — мрачно вздохнул Котомка.

— За что? — удивился Юра.

— За невыполнение приказа. Двадцать семь минут опоздания. А машина, может, ещё куда нужна...

Юра хотел было возразить, но машина, резко свернув, въехала в ворота. А навстречу по двору бежал папа!

Через мгновение мальчик уже повис на отцовской шее. Сразу рядом оказалась мама, и поднялась радостная неразбериха: объятия, восклицания, вопросы.

— А мы были уверены, что не застанем тебя, — сказала мама.

— Это меня наш начальник заставил отпустить, когда дождь перестал. «Идите уж вы, — говорит. — Там, верно, ждут, не дождутся. Теперь сам управлюсь». Прибегаю, а вас нет. Где задержались?.. Постойте... — он даже отступил на шаг, удивлённый. — Что это с вами? Будто в грязи купались. Вы, Котомка, вывалили их по дороге, что ли?

Мама начала обо всём рассказывать.

— Разрешите доложить, — сказал Котомка. — Кругом один я виноват... Но вода уж очень бушевала, надо было помочь! Из-за этого и опоздание получилось.

— Ну, и молодцы, — просто сказал папа. — Как же было колхозникам не помочь! Они-то нам сколько помогают. Ну, Юра, ты сразу, значит, в нашу жизнь включился. Правильно! Да пойдёмте же в конюшни наконец!

Котомка опять повеселел.

— Вот она какая, наша застава! — подмигнул он Юре. — В Турции, брат, таких нет, вот увидишь... — Потом прыгнул в машину и отъехал к складу.

А они втроём всё никак не могли войти в дом: постояли сначала на крыльце, потом на балконе, спеша рассказать друг другу и про дорогу, и про заставу, и про то, что Юра перешёл в четвёртый класс круглым отличником.

Наконец вошли в комнату.

Но в ту же минуту в дверь постучали. Солдат с красной повязкой на рукаве — дежурный — доложил, что к заставе приближается легковая машина.

Все опять вышли на балкон. У ворот действительно стоял светлошоколадный «москвич». За рулём сидела девушка. Юра узнал в ней одну из тех, что работали у перемычки. Сверкнула дверца, девушка вышла. Но теперь на ней было чистое платье, только чёрные косы были уложены кое-как, видимо, наспех. В руках она держала букет сирени, на свежих, душистых гроздьях которой ещё дрожали капли.

— С приездом! Мы вас и поблагодарить не успели, — сказала она, протягивая маме букет.

— Знакомся, Надюша, — сказал папа. — Это Седа Туманян, звеньевая, представлена к ордену за рекордный урожай хлопка. А это её племянник. Сурик, ты чего прятаться?

Сурик был такой же мокрый и босой, как на арыке. Он прятал руки за спину.

— Ну, скорее, — сказала ему Седа. — Мы спешим в соседний колхоз узнать, как там, не нужно ли помочь, — объяснила она.

Сурик подошёл к Юре и вынул из-за спины лук со стрелами.

— Это тебе, — он ткнул их в юрины руки. — Мне дедушка другой сделает.

Седа оглядывалась, искала кого-то глазами. И заулыбалась, увидев Котомку. Он принёс забытый в машине мамин шарфик.

— Ну, а с товарищем Котомкой у нашей комсомольской организации особые счёты. Он ведь нам ещё и доклад делал.

— Уж там доклад... — Котомка смутился, густо покраснел. — Такое дело... Но глаза его весело блестили.



Пак Ден Ай — председатель Демократического женского союза Кореи.

ДОЧЬ КОРЕИ

Н. Александрова

«...Сотни людей устремляются к трибуне. Женщины со слезами на глазах обнимают и целуют Пак Ден Ай. Делегаты поднимают её и несут в президиум, где она занимает своё место.

«Да здравствует Ким Ир Сен! Да здравствует Мир!» — несутся возгласы...»

(Из материалов Второго Всемирного конгресса сторонников мира).

Что сказала в тот день Пак Ден Ай? Какие её слова заставили людей так взволнованно броситься к трибуне, так нежно поднять её, делегатку Кореи, и на руках пронести через весь большой зал? Отчего, слушая Пак Ден Ай, плакали женщины? Отчего с такой горячей благодарностью пожимали её маленькую смуглую руку делегаты Франции и Англии, Индии и Вьетнама, Австралии и Канады, представители народов пяти частей света?

Пак Ден Ай рассказывала о том, чем было полно её сердце, — о героической борьбе корейского народа против американских агрессоров. Она рассказывала о том, как народ, освободившийся от сорокалетнего ига японских империалистов, народ, только что свободно расправивший крылья, подвергся нападению американских захватчиков, которые терзают прекрасную землю Кореи, убивают её патриотов, разрушают всё, что создавали люди для народного счастья.

Пак Ден Ай говорила о том, что видела своими глазами. Она рассказывала о мальчике, расстрелянном с самолёта, о сожжённом городе Вонсан, о молодой кореянке Ким, потерявшей под бомбами всю семью, о страшных рвах смерти, в которых похоронены тысячи патриотов.

Пак Ден Ай говорила, и, казалось, в тихом зале заседаний Конгресса слышится злобещий рокот американских самолётов, звучащий в небе Кореи. Говорила, и перед слушателями вставали

одна за другой картины её любимой родины: высокие скалистые горы и затопленные рисовые поля, сосновый бор на севере и светлые дубовые рощи на юге, горные бурные речки и моря, с трёх сторон бьющиеся в её берега...

Пак Ден Ай раскрывала то, что стоит за короткими, по-военному сдержанными сводками Главного командования Народной армии. Говорила о мужестве солдат, о великом единстве народа. Вспоминала, как на узких горных тропах, там, где идут войска, у опасных круч, у мостиков, переброшенных через бурные потоки, по ночам цепью встают женщины и старики в белых одеждах. Они стоят, как добрые духи родных гор, чтобы во тьме указать солдату верный путь. Рассказывала, как с юга Кореи к Ким Ир Сену пришёл невиданный в мире отряд — 2 700 детей. Они прошли около тысячи километров по горам и ущельям, эти дети; скрывались от врага, шли сквозь опасность, поддерживали друг друга так, как поддерживают друг друга солдаты одного полка. Они пробрались через линию фронта и пришли к Ким Ир Сену, чтобы просить его об одном — дать им оружие для борьбы против ненавистных захватчиков.

Голодные, они не просили еды. Измученные, не мечтали об отдыхе. Слово пароль, они, и большие и маленькие, повторяли одно: «Оружие! Дайте нам оружие! Мы хотим защищать Корею!»

Пак Ден Ай говорила об этих мальчишках и о женщинах, идущих в партизанские отряды, и о солдатах, что на суше, на море и в воздухе стойко защищают отчизну. И сама она в этот час в тихом зале, за тысячи километров от родной земли, была солдатом сражающейся Кореи, солдатом Мира.

Как солдат в родных горах, с этой высокой трибуны она защищала мир и счастье своей родины. Как солдат в бою, шла на врага, раскрывая перед всем миром преступные замыслы и действия американских империалистов. Как солдат, крепко держала оружие, которое дал ей народ: силу и веру в своё правое дело!

И недаром народ послал её на Конгресс, недаром именно ей, Пак Ден Ай, поручил рассказать всему миру правду о Корее.

...Всё, что делала Пак Ден Ай в своей жизни, она делала для счастья родины, для своего родного народа. Она вступила в подпольную революционную организацию ещё юной девушкой, когда страна находилась под игом японского империализма. Революционерам грозила каторга, смерть, тюрьма — Пак Ден Ай пошла на все опасности, на все страдания ради свободы своего народа. Она работала на Пхеньянском резиново-молочном заводе и вела среди работниц политическую агитацию. Часто по вечерам после многочасового

рабочего дня в цехе, пропитанном ядовитыми газами, она оставалась и беседовала с работницами, рассказывала им о Советском Союзе, о счастливой жизни свободного советского народа. Женщины жадно слушали её рассказы. Забытые, угнетённые, они всю свою жизнь знали лишь одно — терпеть и покоряться. Даже в домах на женской половине были написаны эти слова: «Терпеть, много, много терпеть». Но Пак Ден Ай призывала их не к терпению, а к борьбе. Её простые страстные слова будили в женщинах мечту о другой, хорошей жизни, заставляли по-новому видеть свою привычную жизнь.

Подошедший на завод провокатор донёс о беседах Пак Ден Ай, и она попала в тюрьму. Это была страшная тюрьма: в ней не было даже окон. Заключённые сидели на холодном, каменном полу; они были лишены света, воздуха: не разрешали даже минутные прогулки по тюремному двору. Узники, заживо погребённые, замурованные в каменные мешки тюрьмы! Но и в этих страшных условиях Пак Ден Ай оставалась верна себе, своему революционному долгу, своей совести патриота. Она и здесь нашла оружие для борьбы против угнетателей. Этим оружием были сказки. И поистине это были чудесные и удивительные сказки. Несмотря всем тюремным законам, мраку и тьме застенка они были полны света, жизни, радостной надежды и звали людей на борьбу.

«Тот, кто хочет посадить радостный и цветущий сад, не должен бояться зимней стужи. Придёт ласковая голубоглазая весна, придёт щедрое солнцем лето. Нет таких сил на свете, которые могут помешать их приходу!» — так рассказывала Пак Ден Ай старинную корейскую сказку, вкладывая в неё свою глубокую веру в неминуемое освобождение народа.

Сколько раз потом Пак Ден Ай, выходя на свободу, снова и снова оказывалась в тюрьме за свою революционную работу! Её преследовали шпионы, за каждым её шагом следила полиция. Но, неукротимая и бесстрашная, в труднейших условиях она продолжала выполнять все задания партии, мужественно переносила опасности, невзгоды и лишения, которые выпадают на долю революционера в капиталистических странах.

Когда в 1945 году Советская Армия, преследуя японских захватчиков, принесла корейскому народу счастье и свободу, для Пак Ден Ай наступило самое радостное время в жизни: она стала активным строителем новой, демократической республики. Все свои силы отдавала она устройству новых школ и больниц, воспитанию юношей и детей. Какое это было счастье! За один месяц, июль 1948 года, в деревнях было построено

100 тысяч домов. В стране, где не было ни одного высшего учебного заведения, появилось 16 институтов и 55 техникумов. Одних начальных школ за четыре года стало в пять раз больше, чем было прежде, до освобождения Кореи. Пак Ден Ай и другие женщины-активистки вели большую работу по ликвидации неграмотности. За недолгие пять лет в Корее почти не осталось неграмотных, а ведь 80 процентов корейских женщин прежде не могли написать даже свою фамилию.

А когда 25 июня прошлого года на рассвете через речку Имдинган по понтонному мосту хлынули нескончаемым потоком американские танки и орудия, когда загремели первые выстрелы, Пак Ден Ай стала одним из организаторов сопротивления ненавистным захватчикам. Её можно было увидеть и на призывном пункте, куда приходили будущие солдаты, и на прифронтовой дороге, и в окопах переднего края, и в высоких горах у крестьян, и на островках, где живут рыбаки. Она налаживала снабжение армии, заботилась о спасении детей, разъясняла людям пути победы и вселяла веру в эту победу. Какой глубокой ненавистью дышат её слова об американских империалистах!

— Я мечтала видеть свою родину в цвету, хорошеющей год от году, как ваша замечательная страна — наш великий знаменосец мира, — так говорила Пак Ден Ай, приехав в декабре прошлого года в Москву. — Как все свободные корейцы, я участвовала в разбивке этого сада. А американцы прилетели на «летающих крепо-

стях» и выжгли напалмом наши посадки. Они прикатили на «доджах» и «джипах» и организовано повыдирали взлелеянные нами побеги. Я, дочь моего народа, никогда им этого не прощу!

Всё прогрессивное человечество с волнением следит сейчас за борьбой в Корее. Там, на далёком полуострове, сражался против американских империалистов, поджигателей войны, корейский народ отстаивает дело миллионов людей земного шара — великое дело мира. Вот почему с таким волнением слушали делегаты Конгресса рассказ Пак Ден Ай о событиях в Корее. Вот почему так горячо приветствовали её, достойную представительницу героического корейского народа. Вот почему так напряжённо вслушивались они в гордые и уверенные слова Пак Ден Ай:

— Несмотря на тяжёлые испытания и огромные жертвы, корейский народ уверен в торжестве своего правого дела. Пусть с трибуны Второго Всемирного конгресса сторонников мира голос корейского народа прозвучит по всему миру. Пусть слышат все, что корейский народ, сплотившийся вокруг своего любимого народного вождя Ким Ир Сена, будет ценою крови защищать каждую пядь своей земли от интервентов и их прислужников — лисынмановских предателей... Мир победит войну!

В апреле этого года Пак Ден Ай была присуждена Международная Сталинская премия мира. На её груди медаль с изображением Сталина, великого борца за мир, мудрого вождя сторонников мира.



Пак Ден Ай среди делегатов Корейской народно-демократической республики на Варшавском конгрессе.

СТРОЙКИ КОММУНИЗМА



БОЛЬШАЯ ВОЛГА

Посмотрите на карту, которая помещена слева. Художник изобразил здесь реку Волгу такой, какой она станет через пять лет. Неправда ли, эта «Большая Волга» сильно отличается от той, которую вы привыкли видеть на географических картах?

Зачем же советские люди решили переделать на свой лад целую реку?

Для чего советские люди затеяли такую небывалую работу?

Потому, что нам не нравится, как распорядилась с Волгой природа.

Все вы знаете, что Волга — это самая большая река в Европе. Она собирает в себя воду чуть ли не с половины Среднерусской равнины. В Волгу вливаются Ока и Вятка, Кама и Белая, Сура и Клязьма и десятки более мелких рек.

А теперь посмотрим, что же происходит дальше?

Сначала всё идёт хорошо. Могучая, широкая река неторопливо течёт с севера на юг. На обоих берегах раскинулись обильные колхозные поля, стоят тенистые леса, зеленеют луга, покрытые сочной травой.

Но чем дальше к югу, тем заметнее меняется пейзаж. За Куйбышевом на правом берегу ещё виднеется кое-где лес. А когда пароход начнёт приближаться к Сталинграду, на оба берега уже и смотреть не хочется. Насколько можно охватить взглядом, тянется выжженная солнцем, поросшая бурой высохшей травой унылая степь. Огромные овраги пересекают равнину.

И мимо этих истомившихся от жажды земель лениво и спокойно течёт Волга, неся свои воды в Каспийское море.

Разве это порядок? Конечно, нет.

Мы решили заставить Волгу отдавать часть своей воды для орошения полей, лугов и садов в засушливых районах.

На карте вы видите огромные плотины, которые перегородят Волгу под Куйбышевом и под Сталинградом. Каждая плотина будет длиной в несколько километров, а высотой в девятиэтажный дом. Эти плотины задержат весной всю воду, которая собирается в Волге от тающего на севере снега. Выше плотин образуются два моря — Куйбышевское и Сталинградское.

Для чего нужны эти новые моря?

Для того, чтобы здесь всё лето сохранялся запас воды для каналов, которые будут вырыты на берегах Волги. На карте нарисованы только два таких канала, но на самом деле их будет больше. По этим каналам побежит на колхозные поля волжская вода.

Как же Волга погонит свою воду в каналы?

На плотинах будут построены самые большие в мире электростанции. Сила падающей воды приведёт в движение гигантские турбины. Турбины превратят эту силу в электрический ток. Этот ток будет двигать огромные насосы, которые и погонят воду в каналы.

Миллионы гектаров засушливых земель получат в изобилии воду, и вода принесёт с собой новую жизнь.

Там, где сейчас только голые степи и пески, расцветут сады, появятся пастбища для скота, раскинутся бескрайные поля пшеницы, хлопка, риса, зазеленеют виноградники, зашумят тенистые рощи.

Так советский народ изменит Волгу и засушливые степи на её берегах.



ОХОТА

Ольга Карышева

Рисунки Е. Ребиковой

На горных вершинах снега залегли,
В полях — молодая пшеница.
На запахах цветущей, горячей земли
Слетелись и пчёлы и птицы.

Мелькают в листве тютютейки ребят,
Идёт на охоту весёлый отряд.
Идёт впереди пионер Ибрагим,
Спешат по дорожке ребята за ним.

Горячее солнце прогрело сады.
С утра воробей проверяет плоды
И ставит, качаясь на ветке,
На спелой черешне пометки.

Ребята идут на заре по росе,
Тропа извивается змейкой.
Удачной охоты желали им все,
И каждый махал тютютейкой.

Там, за речкой, за бахчами,
Серебрятся тополя,
Там, за новыми садами,
Начинаются поля.

Вот куда они пришли,
Дети солнечной земли.

Мотыльки над ними кружат,
Ибрагим ребят зовёт,
Всем охотникам не ружья,
А бутылки раздаёт.

Начинается охота
Не на зверя, не на птицу —
Начинается охота
На вредителей пшеницы.

Черепашка стебли точит,
Погубить пшеницу хочет.

Первым начал Ибрагим,
А ребята — все за ним.

С тютютейкой на затылке
Обогнал Юсуп Джуру:
— Скоро полную бутылку
Черепашек наберу!

Светит солнце, светит ярко,
На горах сверкает снег,
А в полях ребятам жарко,
Жажда сильная у всех.

И с колхозниками рядом
Дети сели всем отрядом
Угощаться катыком —
Вкусным кислым молоком.

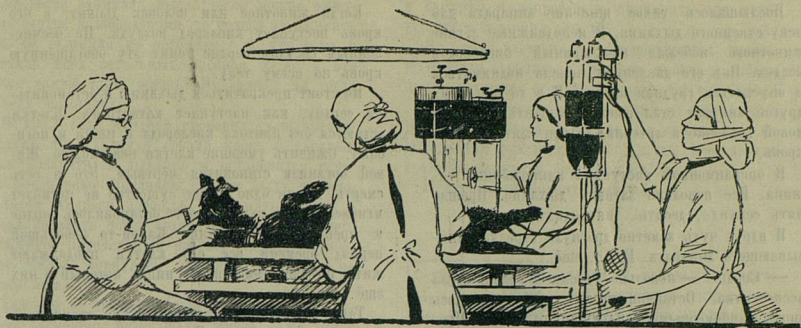
Отдохнули... Крикнул кто-то:
— Продолжается охота!

Соревнуются ребята.
Вот и день к концу идёт.
Кто всех больше до заката
Черепашек соберёт?

Закончив охоту, уходит отряд
Под звук пионерского горна...
Настанет пора: колоски прошумят,
Набухнут пшеничные зёрна.

Ребята встают на защиту полей,
На славное общее дело:
Всё гуще колосья, зерно тяжелей,
И каждое зёрнышко цело.





ПЯТЬ МИНУТ

А. Дорохов



Ш

ироко раздвинуты занавеси на окнах. Операционная залита солнечным светом. Вокруг стола собрались хирурги в белых халатах, белых шапочках с марлевыми повязками, закрывающими рот и нос. По всему видно, что предстоит очень серьёзная операция.

Но на столе лежал не человек, а собака. Большая лохматая дворняжка мирно посапывала, усыпленная эфиром, и, должно быть, видела самые приятные сны, судя по тому, как спокойно она дышала и как ровно билось её сердце.

В этом легко мог убедиться каждый из присутствовавших в комнате. Достаточно было лишь взглянуть на аппарат, стоявший рядом с операционным столом. Там медленно перематывалась с барабана на барабан широкая бумажная лента. Лента была густо закопчена, и по её чёрной поверхности царапали белые линии две стрелки. Одна стрелка соединялась резиновой трубкой с поясом, охватывающим грудную клетку собаки. При каждом вздохе эта стрелка поднималась и опускалась, и на чёрной ленте появлялся зигзаг. Другая стрелка была соединена трубкой с бедренной артерией животного. Каждый толчок бьющегося пульса заставлял эту стрелку вздрагивать, и она рисовала на ленте работу сердца.

— Ну, как, всё готово? — спросил, быстро входя в комнату, высокий человек с открытым, энергичным лицом.

— Да, Владимир Александрович, — ответила ассистентка и показала взглядом на несколько трубочек, отходящих от лап собаки и соеди-

нённых со стеклянными сосудами. Каждая трубочка была уже заранее введена в артерию или вену животного и плотно защемлена металлическим зажимом.

— Тогда начали, — сказал профессор. — Прошу заметить время.

Наклонившись над операционным столом, ассистентка сняла зажим с одной из трубочек. Оттуда толчками побежала в фарфоровую кружку тоненькая струйка алой крови.

Кружка быстро наполнялась кровью. А на чёрной ленте записывающего прибора так же быстро падала кривая, отмечавшая давление крови в сосудах животного.

Собака умирала. Вместе с кровью её покидала жизнь. Всё слабее билось сердце, всё реже поднималась грудная клетка. Вот её зрачки перестали реагировать на свет. Вот перестали вздрагивать при прикосновении пинцета веки. Вот остановилось сердце. Ещё несколько судорожных вздохов, и прекратилось дыхание...

— Смерть! — сказала ассистентка. — Включая секундомер.

Действительно, каждому было видно, что собака мертва. Она не дышала, сердце её не билось. Остекляевшие глаза затянула мутная плёнка. Как серая тряпочка, свисал из раскрывшейся пасти обескровленный язык.

Ассистентка не сводила глаз с секундомера.

— Одна минута прошла, — раздавался её голос. — Две минуты... три минуты... четыре минуты... пять минут...

— Начинайте оживление, — резко сказал профессор.

Послышалось тихое шипение аппарата для искусственного дыхания. В неподвижные лёгкие животного побежал насыщенный кислородом воздух. Под его давлением начала подниматься и опускаться грудная клетка. И в то же время другой аппарат стал быстро подавать по резиновой трубочке в артерию собаки взятую у неё кровь.

В операционной наступила напряжённая тишина. Все невольно затаили дыхание. Прошло пять секунд... десять... пятнадцать...

И вдруг чуть заметно дрогнула стрелка запи-сывающего аппарата. Ещё... ещё...

— Сердце! — невольно громко воскликнула ассистентка. Остановившееся сердце забилося вновь равномерными, сильными толчками. Прошло ещё несколько мгновений, и вздрогнули мышцы шеи животного. Это был первый, ещё совсем слабый, но уже самостоятельный вздох.

И все присутствовавшие в операционной тоже с облегчением перевели дыхание. Ещё один опыт прошёл успешно! Собака, только что бывшая мёртвой, снова стала живой...



Неужели вы действительно можете оживлять мёртвых? — часто спрашивают у профессора Владимира Александровича Неговского, в лаборатории которого происходил описанный здесь опыт.

— Нет, к сожалению, не могу, — отвечает профессор. — Я не чудотворец. Это только в сказках всё просто: спрыснет богатырь убитого коня «живой водой», и конь вскочит на все четыре копыта, как ни в чём не бывало. Но на то это и сказка! В жизни таких чудес не происходит. Что умерло, то умерло.

— А как же оживила убитая вами собака?

— Это вы считали её совсем мёртвой, а мы нет. Те признаки, которые обычно называют смертью, — это ещё не самая смерть, а только её начало. А наша лаборатория именно тем и занимается, что ищет наиболее верные способы остановить смерть, пока ещё не поздно, и опять вернуть организм к жизни.

И профессор рассказывает, что такое смерть и как борется с нею советская наука.

Что же такое смерть?

Всякий живой организм состоит из миллиардов клеток. Из клеток состоят кожа и мышцы, сердце и лёгкие, нервы и мозг. Но клетки могут жить только до тех пор, пока их непрерывно омывает кровь, насыщенная кислородом.

Когда животное или человек дышит, в его кровь поступает кислород воздуха. По бесчисленным сосудам сердце гонит эту обогащённую кровь по всему телу.

Но стоит прекратиться дыханию и остановиться сердцу, как наступает катастрофа. Клетки остаются без притока кислорода и пищи и погибают. Оживить умершие клетки невозможно. Живой организм становится мёртвым. Это и есть смерть. Но ни одно живое существо не погибает мгновенно, как только у него остановилось сердце и прекратилось дыхание. Какой-то небольшой период времени все его клетки продолжают жить, питаются тем запасом пищи, который в них ещё сохранился.

Такое состояние организма можно сравнить с потушенным костром. Пламя его уже погасло, но где-то в глубине, под слоем чепла, ещё тлеют угольки. И разве нельзя заставить их разгореться вновь?



Одним из первых, кому удалось раздуть тлеющую жизнь клеток, был талантливый русский физиолог начала нашего века Николай Павлович Кравков. Иссле-

дую действие различных лекарств на ткани тела Кравков брал отрезанные у трупов пальцы, помещал их в особый придуманный им аппарат и начинал пропускать через их сосуды питательную жидкость.

И клетки мёртвых пальцев оживали. Они снова начинали усваивать питательные вещества. Проходил день за днём, а пальцы продолжали оставаться живыми. Даже ногти на них росли.

Ещё более интересный опыт проделал 3 августа 1902 года профессор Томского университета Алексей Александрович Кулябко. В его клинике умер от воспаления лёгких больной. Кулябко вскрыл труп, вынул сердце и положил его на лёд.

На следующее утро Кулябко взял это сердце в лабораторию и начал прогонять через его сосуды питательную жидкость. И тогда произошло то, что могло показаться чудом. Сердце мертвеца, бывшее неподвижным почти двадцать часов, забилося снова. Значит, клетки его мышц были ещё живы и не потеряли способности сокращаться.

Об этих замечательных опытах и о многих других попытках оживлять отдельные органы знал молодой московский врач Фёдор Андреевич Андреев. Сейчас он крупный учёный, лауреат Сталинской премии. А тогда, сорок лет назад, он был лишь начинающим исследователем.

Андреева занимала мысль: если можно оживлять сердце в лаборатории, то нельзя ли оживить его, не вынимая из организма? А что если в клетках всех остальных органов будет в это время также тлеть жизнь? Не оживёт ли тогда и весь организм?

В 1913 году Андреев проверил свою смелую догадку. Он удалил у собаки кровь и выждал, пока прекратится дыхание и остановится сердце. Бесспорные признаки смерти явственно.

Затем Андреев подождал ещё пять минут и начал подавать через артерию к сердцу убитого животного питательный раствор. Сердце заработало снова, вернулось дыхание, и собака на время ожила.

Так шаг за шагом учёные установили возможность успешно возвращать жизнь даже после остановки сердца, но с одним неизменным условием: сердце не должно оставаться неподвижным более пяти — шести минут.

Почему же именно пяти, а не десяти?

Потому что не все клетки одинаково выносливы. Мышцы и кожа состоят из сравнительно грубых, просто устроенных клеток. Эти клетки живучи. Они могут сохранять жизнеспособность, годая много часов.

Но чем клетки сложнее и тоньше, тем быстрее они погибают.

Самые сложные и самые чувствительные — это клетки, из которых состоит мозг. Поэтому они и самые хрупкие. Через пять — шесть минут после того, как в мозг перестанет поступать кровь, эти клетки уже начинают распадаться.

А без мозга животное существовать не может. Ведь мозг управляет работой всех органов.

Удалите у собаки часть мозга, и она потеряет способность видеть и слышать. Она не сможет встать, сделать хотя бы один шаг. А если погибнет весь мозг, животное не сможет даже самостоятельно дышать.

Но пять минут природа нам даёт. Пять минут может продолжаться жизнь без кровообращения и дыхания.

Правда, пять минут — это очень короткий срок. Но разве имеет право наука складывать оружие, когда у неё есть хоть малейшая возможность остановить уже начавшуюся смерть и вернуть организм к жизни?

Работы Андреева продолжил московский физиолог Владимир Александрович Неговский. В течение нескольких лет он изучал в своей лаборатории, как протекает смерть, и искал наиболее верные способы остановить её наступление. Им были проделаны сотни опытов на собаках. Постепенно Неговский нашёл такие методы оживления животных, которые почти безошибочно давали успех. Наступало время переходить

в клинику и попробовать применить эти методы для оживления людей.

Но тут разразилась Отечественная война. Надо было торопиться. Ведь на фронте погибали люди, которые, возможно, могли бы ещё жить! Вместе со своими помощниками по лаборатории Неговский выехал на фронт. Не удастся ли ему спасти там раненых бойцов, когда все другие средства окажутся бессильными?

И вот такой момент наступил.



В один из полевых госпиталей доставили тяжело раненного бойца. Он уже умирал, хотя рана его и не была смертельной. Но у раненого были повреждены крупные сосуды, и он потерял слишком много крови.

Почти два часа боролись врачи за его жизнь. Они применяли все существующие средства, но ничто не помогало. Раненый умер.

Его тело ещё лежало на операционном столе, когда в палату вошли четыре человека в халатах.

— Сколько времени прошло с момента смерти? — спросил один из них хирурга, уже снимавшего халат.

— Две минуты, — ответил тот, взглянув на часы.

— Ну, что же, тогда ещё не всё потеряно, — проговорил вошедший и начал отдавать приказания своим помощникам.

Это была научная бригада профессора Неговского. Каждый её участник заранее знал свои обязанности, потому что действовать надо было очень быстро. В распоряжении бригады были считанные минуты.

Врачи работали уверенно и чётко. Ведь они повторяли то, что каждый из них уже проделал сотни раз в лаборатории! Но как неизмеримо велика была сейчас ответственность! На этот раз речь шла не об удаче или неудаче очередного опыта: сейчас решалась судьба человека!

Снаружи доносился шум боя. Они его не слышали. От близких выстрелов вздрагивали столики с инструментами. Они не замечали. Быстрей, быстрей!..

Все пригвождения к оживлению заняли ровно минуту. А ещё через полторы минуты остановившееся сердце солдата слабо вздрогнуло и забилось. Прошло ещё две с половиной минуты — и он чуть слышно вздохнул.

Битва у операционного стола была выиграна. Раненый был снова жив! Его смерть продолжалась четыре с половиной минуты.

Уже через сутки состояние оживлённого бойца настолько улучшилось, что его можно было эвакуировать в тыловой госпиталь и там продолжать лечение. А затем он совершенно поправился и каждый год празднует день своего второго рождения.



Советская наука одержала замечательную победу над смертью.

Оживление организма — это чрезвычайно сложный научный вопрос. Здесь ещё очень много неизученного, неясного самим врачам.

Иногда оживление проходит успешно. Иногда оно оказывается неудачным. От чего это зави-

сит? Нельзя ли найти другие, более верные способы?

А как замечательно было бы научиться успешно оживлять организм не через пять, а через двадцать минут после смерти! Научиться задерживать распад клеток мозга! Скольким людям можно было бы вернуть жизнь!..

И таких нерешённых вопросов ещё очень много. А ведь для того, чтобы уверенно бороться со смертью, надо прежде всего хорошо её изучить.

Именно этим и занимаются работники лаборатории экспериментальной физиологии по оживлению организмов при Академии медицинских наук СССР.

В Советской стране драгоценна жизнь каждого человека. И советские учёные ищут всё новые и новые средства бороться со смертью и охранять человеческую жизнь.

ПЛОВУЧИЙ ДОК

Большому кораблю — большое плавание... А чтобы это плавание прошло хорошо, все части и механизмы, от главной машины до последней заклёпки, должны безотказно выполнять свою службу.

Поэтому в походе и на стоянке мелькают в умелых руках моряков рубанки и стамески, напильники и молотки, жёсткие щётки и мягкие кисти. Придирчивыми, внимательными глазами следят моряки за сложным корабельным хозяйством. Боцман с матросами — на палубе, механики — в машине и в трюме, штурманы — в рубке корабля.

Но ни боцман, ни механик, ни штурман не могут в море осмотреть то, что важнее всего для безопасного плавания корабля, — подводную часть судна.

Чтобы и тут всё было в порядке, время от времени каждый корабль вынимают из воды, осматривают, всё ли надёжно, всё ли прочно, и если нужно, устраняют все изъяны и дефекты, не пропуская ни одной мелочи.

Это легко сказать: вынуть корабль из воды. Корабль не игрушка, не лодка, иной корабль весит десятки тысяч тонн. Никаким краном его не поднимешь. И если бы и был такой кран, всё равно поднимать рискованно: самый прочный корабль, если его поднять за концы, может сломаться, как соломинка. Значит, нужно что-нибудь другое придумать. И придумали огромное сооружение — глубокий просторный бассейн с широкими прочными воротами. В бассейн вводят корабль, плотно затворяют ворота и начинают откачивать воду. Корабль садится на дно, а водолазы тем временем ставят подкладки, подпорки, подушки, чтобы на весь корпус равномерно ложилась страшная тяжесть корабля. А когда плотно, намертво станет корабль, тогда до конца

откачивают воду и принимаются за осмотр и ремонт.

Такие бассейны называют сухими доками. А есть и пловучие доки. Вот такой пловучий док нарисовал художник Штраух.

Сухой док стоит на месте, а пловучий можно на буксире привести куда угодно и там осматривать корабли.

Пловучий док — вроде ящика без крышки и без двух боковых доков.

Дно этого ящика — огромный стальной пустотелый плот, разбитый на отдельные отсеки. В боковых стенах стоят машины, станки, сварочные аппараты, моторные лебедки с подъёмным краном, водолазные помпы — всё, что нужно для работы с большим кораблём. Целый завод.

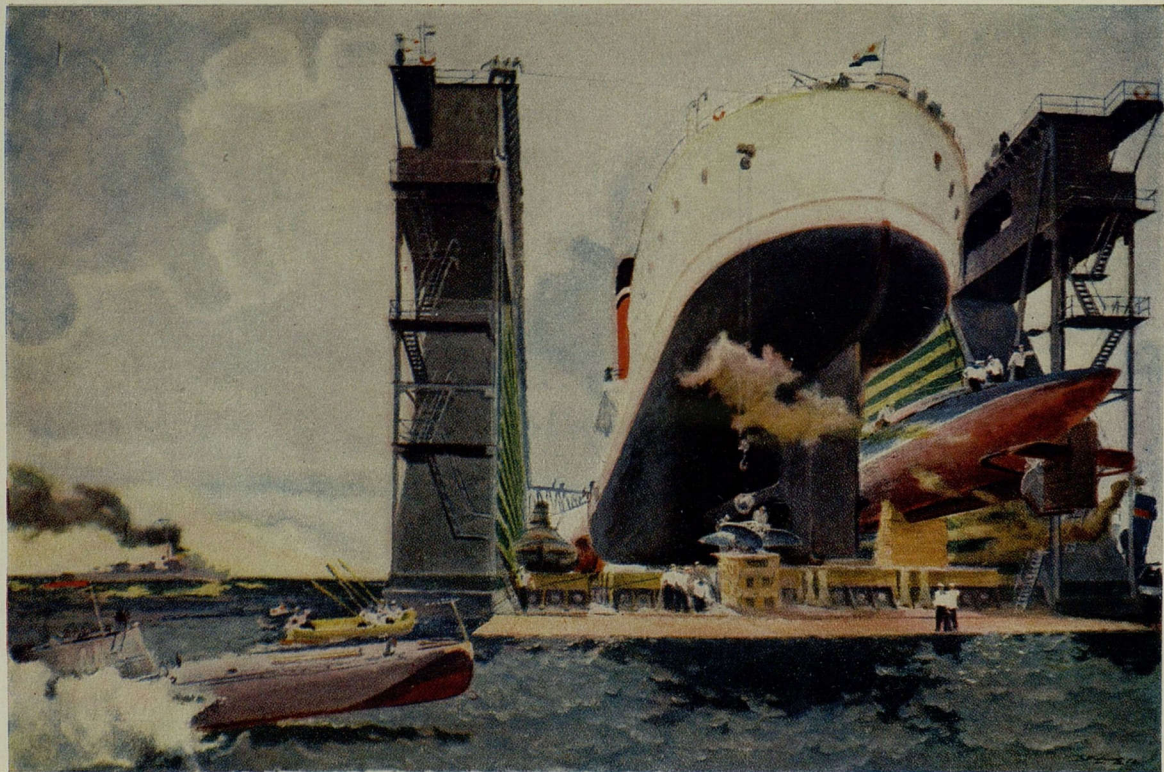
Док выводят на глубокое место и впускают в отсеки несколько тысяч тонн воды. Док начинает тонуть. Когда затонет на сколько нужно, в док вводят корабль. А потом начинают откачивать воду.

На картине вы видите: три корабля сразу стоят в доке.

Док — дорогое сооружение. Без дела ему стоять не годится. Поэтому все работы в доках ведётся по точному расписанию.

Круглые сутки, ни на минуту не прерываясь, идёт работа в доке. Снуют с берега на берег катера, буксиры, шлюпки. Везут материалы, части, инструменты. На самом верху сигнальщик по флажному семафору докладывает на берег, как идут дела. А оттуда с берега уже сообщили новому кораблю: «Готовьтесь, завтра ваша очередь».

А завтра снова затопят огромный док, только две низенькие стенки останутся над водой, и корабли, готовые к плаванию, уйдут туда, куда пошлёт их Родина.



пловучий док.





У СИНИХ ГОР

(Окончание)

Повесть Андрея Иванова

Рисунки А. Ливанова и В. Трофимова

Вечером Кеша достал тетрадь, очинил карандаш и принялся записывать наблюдения, сделанные в Зелёной пади. Писал он не спеша и кратко. Сперва вспоминал все наблюдения за каждый день, потом отбирал самое главное, что будет полезно знать всем, и коротко, в нескольких словах, записывал в тетрадь.

Одна за другой страницы покрывались красивыми строчками. Кеша писал быстро, но это не портило его красивого, как почти у всех якутских школьников, почерка. Казалось, что каждая буква выписывалась отдельно, тщательно, неторопливо.

Иногда мальчик чересчур увлекался воспоминаниями. Тогда он бросал писать и принимался рисовать, будто слова были недостаточно убедительными, чтобы выразить его мысли.

На старательно очерченных полях появлялись: голова лося с огромными, разлапистыми рогами, упрямо бодающая дерево; хитрые лисьи мордочки, осторожно выглядывающие из-за камней; сердитая хищная птица, нападающая на белку; или длинные бородастые мхи на старой ели. Только по одним этим рисункам потом можно вспомнить всё виденное.

Антипа внимательно смотрел на работу Кешы. Письмо и рисование он считал сложным делом. Его радовало, что мальчик так умело действует карандашом.

Но старый охотник всю жизнь полагался только на свою память. Она никогда не подводила его. Он старался развить память и у Кешы.

— Ты бы лучше всё в голове держал, — уговаривал он своего маленького воспитанника, — на бумаге может и места не хватить, и потерять её можно. Потом, если всё на бумаге будешь записывать, в голове что держать станешь? А худо, когда голова, как пустой лабаз, ничем не занята. С такой головой самым бедным человеком станешь. Берегись этого.

— В голове хорошо, а на бумаге ещё лучше, — не отрываясь от работы, спокойно заметил Кеша. — Записал — всё равно что три раза видел. Совсем не забудешь.

Кеша прочитал записи старику. Тот молча подымял трубку. Потом неожиданно забраковал кешину работу.

— Глаз, однако, у тебя, парень, маленький, далеко не видишь, — сказал он осуждающе. — Раз тебя сюда послали, то ты должен сказать людям больше, чем они сами знают. Они тебя своими глазами считают. Значит, за всех смотреть надо.

Старый Антипа тут же заставил Кешу записать в тетрадь свои дополнительные наблюдения. Они были обширны. Казалось, зоркие глаза старого охотника видели всю тайгу насквозь. По каждому наблюдению Антипа требовал записать и вывод.

— Зайцев нет. Но могут придти зимой, — диктовал Антипа.

— Откуда вы знаете? — недоумевал Кеша.

Он знал, что Антипа лучше других разбирается в тайге, может увидеть то, что не видел

другие. Но как он мог предсказать приход зайцев?

Антипа показал Кеше на молодые стройные тальники:

— Видишь? Нетронутые растут.

Он срезал острым ножом талинку и показал срез.

— Ей четыре года. И зайцы не тронули. Они всегда на пятый или на шестой год на прежнее место приходят.

Кеша добросовестно записал объяснение Антипы.

— В Зелёной пади много мышей,— продолжал старый следопыт.

— А это зачем?— Кеша удивлённо посмотрел на Антипу.— Кому нужно знать, сколько в тайге мышей?

— Пиши! Так надо. Люди знают: где много мышей, там будет лисица. А лисица нужна охотнику.

Записи наблюдений старого охотника заняли больше половины тетради. Кеша сокрушённо качал головой: сколько же ему понадобится бумаги на всё лето? Он решил делать записи ещё более краткими.

— А ты умерь свою печаль,— угадав его мысли, сказал Антипа.— Не хватит тетрадей, наберём бересты. Она всё равно что бумага. Писать можно.

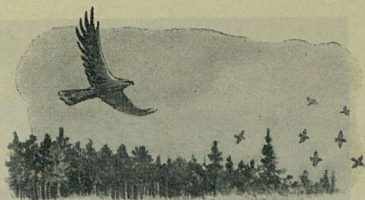
ТАЙГА В БЕДЕ

За весь июль в тайге не выпало ни одной капли дождя. Пересохли многие лесные ключи, вместо них остались только сухие каменистые ложа, устланные разноцветной, гладко отточенной галькой. На открытых солнцу каменистых склонах сопок побурела трава. В низких и затённых местах стало душно, как в бане.

Недостаток влаги чувствовали и деревья.



Лисёнок выворачивал камни, надеясь найти хоть немного влаги.



Быстро пролетел ястреб.

Хвоя лиственницы стала мягкой и слегка погнулась. Листья тополей и берёз начали скручиваться в трубочку, словно хотели уменьшиться в размерах. Так они пытались сберечь влагу, которую с великим трудом добывали сейчас для них старательные корни.

Тоску о влаге Кеша слышал и в голосах птиц.

— Пить-пить, пить-пить,— жаловалась в мелкоее маленькая пичужка.

— Пии-ить, пии-ить,— отзывался делаящий широкие круги в небе большой мохнатый канюк.

Про него говорят, что он никогда не садится на землю и пьёт только дождевую воду с листьев деревьев. Но это неправда. Кеша сам не раз видел, как канюк пил, сидя на земле, и высоко, по-куриному, запрокидывая при этом голову. Он только не любит шумных речек и пьёт из маленьких, тихих ключей. А они как раз все пересохли.

«И что мечется глупая птица,— думал Кеша,— зачем жалуется? Перелетела бы через горы, нашла тихое озеро и напилась».

Он не знал, что оседлые птицы, как и всё живое, привыкают к родным местам. Где гнездуются, там и кормятся. Большие перелёты делают только во время настоящих бедствий.

Б полудню совсем стало тихо. Замодкли птицы. Тальники устало склонились к пересохшему руслу ключа. Рядом в густой траве стоя заснувшие крупные лесные цветы. Кажется, что их уже ничем не разбудишь.

Несколько минут Кеша стоял в раздумье, охваченный этой тишиной. Но вот чуткое ухо уловило лёгкий стук. Кто-то осторожно перекатывал камни.

Стараясь не шуметь, мальчик стал продвигаться вперёд.

Стук становился слышнее. Пройдя несколько шагов, Кеша осторожно раздвинул кусты. На пересошем русле ключа, подле высокого берега, сидит крутился маленький рыжий зверь.

«Лисёнок!—изумился Кеша.—Что он делает?»

Маленький лисёнок тоже хотел пить. В том месте, где ещё пахло сыростью, он старательно выворачивал камни, надеясь найти под ними хотя бы немного влаги и утолить жажду.

Но поиски были безрезультатными. Лисёнок начал не на шутку сердиться. Забыв про осторожность, он гремел камнями и громко фыркал, словно был самым бесстрашным зверем в тайге.

Наконец лисёнок рванул крепкий камень и выворотил его. С любопытством оглядев образовавшуюся ямку, он по-собачьи радостно завилал хвостом. Воровато оглянувшись, словно был не в тайге, а в курятнике, лисёнок сунул в ямку свое кувшинное рыло. Послышались вехлиняющие звуки. В ямке не было воды. Сквозь полуприкрытые губы лисёнок долго высасывал влагу из мокрого песка.

Кеша вышел из кустов и свистнул. Зверёк недовольно взвизгнул, отскочил в сторону и покосился на маленького охотника. Потом, как бы опомнившись, в два прыжка оказался на зелёном берегу и, махнув хвостом, скрылся в кустах.

Через полчаса внимание мальчика привлекли два быстро летящих чёрных ворона. Обычно эти птицы, летая парами, пугают обитателей тайги зловещими криками. Сейчас они летели молча, торопливо взмахивая тяжёлыми крыльями, будто уходили от чего-то страшного. Кеше казалось, что птицы вот-вот оглянутся назад и полетят ещё быстрее.

Вороны стремительно пронеслись вниз по долине. Не успев затихнуть свистящий шум их крыльев, как показалась большая группа коршунов. Быстро, почти задевая узкими крыльями вершины деревьев, пролетел ястреб. Испуганная его появлением, с лиственницы врассыпную вспорхнула стайка маленьких пичужек. Но ястреб не обратил на них никакого внимания и быстро скрылся за деревьями.

Кеша стал торопливо пробираться вверх по долине туда, откуда летели птицы. А их становилось всё больше и больше. Хищные птицы молча обгоняли всякую безобидную мелкоту, вовсе не думая о лёгкой добыче.

Ясно: в тайге случилось что-то страшное. Кеша не мог понять, что именно, но в сердце заползла тревога.



Ломяя кусты, прошла пара сохатых.

Он вложил в рот два пальца и отчаянно свистнул. Свист получился резкий, пронзительный. Но Кеше никто не ответил.

Немного погодя он резко просвистел ещё три раза. Но и на этот раз ответа не последовало.

Мальчик медленно продолжал идти вперёд. Тревога нарастала. Тогда он дважды громко прокричал кедровой.

Крик означал, что одному из охотников срочно нужна помощь другого. И опять никто не ответил ни одним звуком.

А птицы летели всё гуще и гуще, словно в эту долину их загоняли со всей необъятной тайги, от самых Верхоянских гор.

Кеша уже решил было закричать во весь голос, позвать Антипу, но в это время впереди бесшумно раздвинулись кусты.

— Что шумишь? — тихо спросил появившийся Антипа.

— Не знаю... Беда в тайге! Птицы летят и летят, — тревожно заговорил Кеша. — Кто их гонит?

— Пожар, однако. Большой, должно быть, раз так летят.

Старый охотник видел тревогу мальчика. Ему хотелось успокоить своего маленького спутника.



Но он и сам был немало встревожен. Пожар в тайге — это бедствие. С ним надо бороться. Но что они двое могут сделать с грозной стихией, сметающей всё на своём пути?

— Какой пожар? Дыма не видно, — недоумевал Кеша.

Он видел небольшие лесные пожары вблизи посёлка. Даже при маленьком пожаре небо заволакивалось дымом.

— Не здесь. Далеко пожар. Однако пойдём, посмотреть надо.

Антипа пошёл рядом с Кешей.

— Ты, парень, не робей. Страшное понятие надо. Тогда всё ясно будет. А когда ясно, всё осилить можно, — напомнил он свои прежние слова.

По дороге Антипа предупредил Кешу, чтобы он был внимательнее. Скоро должен пойти зверь. Опасно оказаться на пути испуганных пожаром лесей. Вылетят из кустов и, если не успеешь свернуть в сторону, в один миг затопчут.

Предупреждение оказалось кстати. С ураганным шумом, ломая на пути мелкие кусты, прошла пара сохатых. Дальше, на широкой поляне, разметав рыжий хвост, промелькнула старая лисица. Лисята, наверно, так и остались в огне.

Долина круто поднималась к перевалу. Чем дальше, тем она становилась уже. Всё теснее

сходились горы. На их каменистых вершинах ничего не росло. Только тощий мох ютился на серых камнях.

Над невысокой седловиной, где заканчивалась долина, охотники увидели большое мутное, дымное облако. Оно клубилось, росло вверх и вширь, застилая полнеба. Казалось, что это горы изрыгают в небо клубы сизого дыма.

У самого перевала охотникам повстречалось перепуганное стадо оленей. Испуганно хрюпя, они неслись по террасе у края долины, ничего не разбирая на своём пути. Вслед за ними прямо по земле через камни, даже не пытаясь взбираться на деревья, прыгали белки.

Значит, огонь был близко, подбирался к перевалу, намереваясь пробиться в эту долину.

Антипа повёл Кешу быстрее.

Перевал представлял собой неширокие ворота образовавшиеся в как бы разорванной горной цепи. Он был не шире двухсот метров. По бокам стояли крутые хмурые скалы — голый, выжженный солнцем, продуваемый холодными ветрами камень.

Сам же перевал густо порос кедровым стланником и хотя редкой, но высокой травой...

Охотникам представилась страшная картина. Внизу, по ту сторону перевала, в широкой долине и на лесистых сопках бушевало море огня. Словно высокие смоляные факелы, вспыскивали



Внизу, по ту сторону перевала, в широкой долине и на сопках бушевало море огня.

старые деревья. Клубы пламени перебрасывались с одной вершины на другую.

Огонь поминутно захватывал новые пространства, поднимаясь всё выше и выше, подбираясь к перевалу.

Кто вызвал такую беду?

Может быть, гроза ударила и зажгла смолистую лиственницу? Может, охотник или геолог-разведчик неосторожно бросил в сухой мох окурок или оставил кто-нибудь незалитый костёр?..

— В тайге пожар устроить хуже, чем своей дом зажечь, — сказал Антипа. — Там только себе беду принесёшь, а тут... Вот так от одной искорки пошла польхатъ тайга.

Кеша стало страшно, и он потянул за рукав Антипу.

— Уйдём отсюда, — сказал он робко, — скоро и тут запылат.

— Да, да. Тут обязательно будет гореть, — подтвердил Антипа, не отрывая глаз от близкого огня.

Потом старик окинул внимательным взглядом перевал. Густые заросли стланика, высохшая трава — всё это великолепная пища для огня. Стоит прилететь одной горящей ветке — и всё здесь сразу вспыхнет. Можно, конечно, вырубить широкую просеку, вытоптать траву. Но разве успеешь?

Сколько человеческих сил нужно соединить вместе, чтобы остановить эти огненные волны!

— Уйдём скорей! — крикнул Кеша и торопливо двинулся к знакомой долине.

— Вернись! — громко приказал Антипа.

Кеша остановился.

— Вернись! — ещё громче потребовал Антипа. — Ты мне нужен. Помогать будешь.

Он торопливо полез за пазуху, достал отсюда кисть. Из киста вынул спички. Парвал сухой травы и поджёг её. Огонь быстро пробежал по траве к кудрявому кусту стланика.

— Берн-ка пучки травы и поджигай всё, прямо до самой горы.

Кеша остолбенел: старый Антипа сам хочет устроить пожар!

— Дедушка Антипа, не надо! — закричал он, чуть не плача. — Тайга сгорит! Сами сгорим...

Но Антипа ничего не слышал. Он, не оглядываясь, побежал, словно молодой, в сторону другой горы, поджигая на пути траву, кусты стланика.

Когда он вернулся, Кеша попрежнему стоял на месте, с ужасом глядя на разгорающийся рядом пожар.

— Ты что стоишь, ленивый налим! — обручал его старик. — Тебе что, хочется сгореть заживо и погубить тайгу? Беги, зажигай траву!

Сердитый окрик Антипы вывел Кешу из оцепенения. Ещё не поняв, в чём дело, он побежал

поперёк перевала, разбрасывая по пути пучки горящей травы. Огонь вспыхнул в разных местах, заматался на перевале. Огненными соцветиями польхали кусты стланика. Образовался сплошной вал огня, который медленно стал продвигаться в горящую долину...

Антипа знал: на высоких перевалах рождается ветер. Он как бы падает откуда-то сверху и потом расстилается во все стороны почти с одинаковой силой. Но в одной долине сейчас был пожар, а в сторону огня ветер дует всегда сильнее. Значит, если не дать огню распространиться в сторону нетронутой долины, забывая, затаптывая его, то он всей своей силой двинется навстречу большому пожару.

— Вот теперь совсем хорошо, — сказал Антипа удовлетворённо, вытер лицо рукавом рубахи и сел, поджав под себя ноги, прямо на выгоревшую траву. — Видишь, малый огонь съел всю траву и стланик. Большому огню здесь нет теперь пищи, и он умрёт.

Через полчаса две стены огня сошлись, завязались огненными вихрями и, обесшленные, опали.

Пожар стал затихать.

Томимые жаждой, но радостные возвращались охотники обратно. Они победили страшный лесной пожар, спасли своё таёжное богатство!

ВСТРЕЧА В УЩЕЛЬЕ

Почти с самого утра где-то за горами грохотал гром, сначала тихо, словно пробуя силу, потом всё сильнее и сильнее. Тучи не было видно, но гром взбудоражил всю долину. От каждого удара вздрагивали деревья, готовые поднять навстречу первому дождю свои истомившиеся ветви.

Звери ждали дождя молча, притавившись у нор. И только птицы тревожно кричали:

— Пии-ить, пии-ить...

— Пить-пить, пить-пить...

— Пи-ить, пи-ить...

— Давай-ка поскорей уйдём отсюда, — сказал Антипа. — Дождь может быть большой и затянуться надолго. А нам в этой долине делать больше нечего.

Он быстро свернул оленьи шкурки, служащие им постелью, накинул на плечи кожаные мешки и, взяв в руки ружья, двинулись по глубокому боковому распадку навстречу гроз.

Шли напрямик, не выбирая дороги. Везде было сухо, и не нужно было обходить ни звонких ключей, ни топких болот. Иногда из-за наваленного по сторонам бурелома приходилось идти по высохшему руслу ручья. Тогда даже сквозь подошву мчигов чувствовалось, как накалены солнцем камни.



К полудню вышли к узкому, но длинному озеру. Правда, сейчас охотники увидели вместо озера только подсыхающий ил, весь испещрённый многочисленными следами птиц и зверей.

Но и птицы и звери, видимо, не приходили сюда давно.

— Ни одного свежего следа нет, — сокрушённо сказал Антипа. — Наверное, звери ходят пить в Верхние озёра.

Навстречу им пошел прохладный ветер. Из-за гор, клубясь, полезли взлохмаченные иссиня-чёрные облака.

Облака клубились над самым гребнем гор, словно хотели зацепиться за него, а потом, понатужившись, вытащить за собой грузное тело большой тучи.

Антипа взял у Кеши его тяжёлый мешок, вскинул на свои плечи, а мальчику приказал идти быстрее.

Вскоре на пути отвесной стеной встали горы. Кеша остановился и в недоумении посмотрел на Антипу.

— Ничего, шагай. Там есть проход, — сказал старик, не задерживая шага.

Проходом оказалось ущелье, по которому когда-то протекал ручей. Оно было настолько глубоким и узким, что сюда с трудом пробивался дневной свет. Солнце же почти никогда не заглядывало. Ходить здесь можно было только в самое сухое время, когда иссякали буйные горные воды и обнажалось каменное дно ущелья.

Ущелье было длинным, и охотникам нужно было пройти его до дождя. Поэтому Антипа и освободил Кешу от ноши, оставив в руках мальчика только ружьё.

Охотники заметили на сыром песке свежие следы оленя. По этому ущелью звери ходили на водопой в Верхние озёра.

Когда охотники были на полпути, вверху ущелья протяжно завыл ветер, с серого, закрытого облаками неба упали и полозили по чёрным скалам, оставляя узкие дорожки, первые крупные капли дождя.

Почти одновременно где-то далеко слышался еле уловимый шум. Он нарастал, приближался, становился яснее.

Антипа тронул плечо Кеши:

— Стой! Дальше идти нельзя.

Они молча слушали нарастающий шум. Охотник внимательно оглядел отвесные скалы. Ни одного выступа...

— Плохо наше с тобой дело, — сказал Антипа. — Это вода. Впереди в горах выпал большой дождь.

Кеша знал, что значит большой дождь в горах. По крутым склонам вода скатывается в долины. В несколько минут в долинах образуются огромные потоки воды. Они бешено несутся вниз, за-

топая берега и сметая всё на своём пути. Значит, такой вот поток и несётся им навстречу.

Они повернули обратно. Но старый Антипа понимал, что до верха ущелья ещё далеко и им не уйти от наступающей их воды.

А в тесном ущелье этот поток будет особенно глубоким и стремительным. Против него не устоять ни Кеше, ни самому Антипе.

Что делать? Как перехитрить нависшую беду?

«Надо быть спокойнее, — рассуждал про себя Антипа. — Тревога мешает думать».

Но спокойствие не приходило. Он тревожился не за себя. Старый охотник многое видел на своём веку. Смерть уже не страшна была ему. Но умирать всё же нельзя. Ему доверили мальчика, которого так берегут всем колхозом. Им обоим поручили большое дело.

Нет, нет! Надо думать. Надо перехитрить беду...

А сзади всё нарастал дикий шум, наполняя собой ущелье. Казалось, огромный водяной вал уже вырос за плечами и вот-вот обрушится и смоев двух охотников — старого и малого.

Кеша слушал нарастающий шум и тревожно стягивал голову в плечи. Он несколько раз порывался бежать. Но тут же останавливался. Старый Антипа не может бежать, а оставить его одного нельзя.

— Стой! — остановил его Антипа и повернул за плечо лицом к стене ущелья.

Там почти от самого дна до высоты примерно в три человеческих роста поднималась узкая, немного более полуметра шириной терраска.

— Ползи! — приказал старик мальчику и, когда тот взобрался наверх, начал бросать ему свёрнутые в трубку постели и кожаные сумки.

Кеша разместил всё это на террасе, потом дал старнику руку. Поднявшись на террасу, они перенесли вещи на самое высокое место.

У Кеши сердце стало биться спокойнее. Он усеял на кожаный мешок, поставил между коленями ружьё и с любопытством стал смотреть в гулящее от ветра и надвигающейся воды ущелье.

* * *

Вода не заставила себя долго ждать. Высокий пенный вал выкатился из-за скалы, качнул кружевным гребнем и с шумом рассыпался по голым камням. За ним второй, третий. И вот уже в ущелье грохотала полноводная, стремительная река. Опоздай охотники ещё на несколько минут, и им пришлось бы плохо.

Почти одновременно Антипа и Кеша, молча следившие за прибывающей водой, увидели огромную тушу: высокая грохочущая волна несла бурого медведя.

Несмотря на кажущуюся безнадежность своего положения, медведь, видимо, не терял рассудка

и старался держаться посредине потока. Иначе его могло разбить о скалы. Он неторопливо заргбел лапами бурлящую воду и в то же время зорко оглядывался по сторонам.

Высоко высунув из воды мокрую голову, зверь увидел охотников и торопливо, будто долго искал встречи с ними, метнулся к скале.

Кеша на минуту потерял его из виду и уж хотел наклониться, чтобы посмотреть вниз, как вдруг услышал сбоку тяжёлое сошение. Глаза его округлились от страха: медведь вскочил на ступеньку террасы и стал проворно подниматься вверх.

Мальчик, не отрываясь, смотрел на его худую, мокрую, словно облизанную, голову, на маленькие круглые глаза. Чёрный пятачок носа дрожал, тонкая влажная кожа над ноздрями то растягивалась, то снова сжималась, как гармошка.

— Стреляйте! Стреляйте! — шёпотом попросил Кеша старого охотника, подавая ему ружьё.

Антипа взял ружьё и спокойно положил себе на колени.

Зверь тихо, по-собачьи заскулил и остановился. С длинной обвисшей шерсти ручьями сбегала вода и тёмной лужей расплывалась на камне. Потоптавшись на месте, незванный гость несколько раз стяхнул с себя воду, как это делают только что выкупавшиеся собаки, и плотно утесая спиной к стене. Сильные ноги зверя с толстыми, будто железными, чёрными ногтями твёрдо уперлись почти в самый край террасы. Зверь внимательно смотрел на воду, только изредка бросая косой взгляд на охотников.

— Видишь. Ему сейчас не до нас, — сказал Антипа. — Он, может, даже рад бы спасибо сказать, что мы ему не помешали. А стрелять здесь нельзя. От выстрела сверху начнут срывать камни, и нас задавит, как куропадок.

* * *

С шумом прибывающая в ущелье вода приковывала к себе всё внимание охотников, и они временами забывали об опасном соседе. А оглянувшись, не замечали за ним никаких враждебных намерений. Зверь тихо сидел в прежней позе и, не отрываясь, смотрел маленькими круглыми глазами на бующую воду.

Но вдруг в почти неподвижных глазах зверя загорелся огонь. Несомненно, его что-то заинтересовало. Он торопливо переступил передними лапами и всем телом подался к краю обрыва, будто собирался прыгнуть вниз за добычей.

Но таких намерений у него, очевидно, не было. Вряд ли, только что избежав смерти, он мог думать с нападением. Скорее всего, это было простое проявление острого интереса.

Скоро и охотники увидели предмет пристального внимания их соседа.

На волнах показался второй пловец. В брызгах пены отчётливо была видна только высоко поднятая маленькая безрогая голова кабарги. Она быстро поворачивалась то в ту, то в другую сторону. Животное искало хотя бы маленький береговой выступ, где можно было бы зацепиться острыми копытцами.

Вот она заметила узкий карниз, поднимающийся от самой воды, и три неподвижные фигуры на нём.

Кабарга застыла в нерешительности: и человек и медведь для маленькой кабарги были одинаково нежеланными соседями. А вода тем временем уже несла её дальше. Вот-вот кабарга порвняется с карнизом, и потом будет поздно. А она всё медлила.

Но, видимо, страх перед водой оказался сильнее всего. Двумя рывками маленькое животное резко подалось к берегу.

Не успели охотники переглянуться, как раздался цокот крепких, будто кованных, копыт. Кабарга смело встала на террасе, сердито фыркнула и требовательно тоннула тонкой, словно точёной, ногой.

Охотники, очарованные её смелостью и красотой, не шелохнулись. Это, видимо, озадачило её.

Внизу гремела вода, и кабарге хотелось быть подальше от бешеного потока. Она несмело сделала несколько шагов, поднялась выше.

И странно, будто боясь этого безбидного животного, медведь, подбирая задние ноги, передвигался в сторону охотников настолько, насколько приближалась к нему кабарга.

Наконец кабарга остановилась и повернулась так, чтобы видеть и наполненное водой ущелье и своих соседей. Стоя неподвижно, она всё же, казалось, готова была к прыжку.

До сих пор Кеша никогда не видел близкой кабарги. Она была действительно необычайно красива. Он вспомнил, что эвены часто поют о ней песни. В них говорится, что кабарга бежит быстрее, чем птица, что копыта её на бегу звенят по камням, как колокольца, что глаза её похожи на крупные ягоды смородины.

Любуясь красивым животным, охотники не заметили, как быстро летело время.

Кеша, сидевший на корточках, протянул опомевшую ногу. Широкие ичиги мальчика задела несколько мелких камешков, и камни покатались под обрыв.

Медведь сердито завозился на месте, выражая своё неодобрение.

Кабарга тревожно вскинула голову, но, увидев, что всё осталось попрежнему, не тронулась с места.

Прошло ещё немного времени. Глянув в ущелье, Кеша вдруг заметил, что в воде снова ныряют какие-то пловцы. Но, присмотревшись внимательнее, он понял, что это то обнажаются, то покрываются гребнями волн камни на дне ручья.

Вода спадала. Так всегда бывает в горах. Вода быстро сбегает по крутым склонам. Мгментально переполняются стремительные горные ручьи и реки. Они сдвигают тяжёлые камни, словно песок, несут по дну мелкую гальку. Но пройдёт два — три часа, и бурные ручьи иссякнут, вся вода скатится в большие, спокойные реки широких долин.

Грохот в ущелье затихал. Вода перестала лизать карниз и отступила к самой середине ущелья. Вскоре там остался только узкий ручей. Из него повсюду торчали круглые обточенные камни. По ним можно было пройти, не замочив ноги.

Кабарга задумчиво посмотрела на воду, осторожно переступила точёными ногами и вдруг, резко повернувшись, кинулась с террасы вниз.

Медведь с шумом выдохнул воздух. Не то ахнул, удивившись такой стремительной лёгкости, не то тяжело вздохнул, что упустил добычу.

Но и сам он не стал долго ждать. Не особенно, правда, торопясь и пугливо поджмая уже успевший высохнуть зад, он спустился вниз и, прыгая с камня на камень, последовал вслед за кабаргой.

— Ну и нам надо собираться, — спокойно, словно ничего особенного не произошло на этой террасе, сказал Антипа. — Только нам с ними не по пути. Мы пойдём к Верхним озёрам.

— А как они попали в ущелье? — спросил Кеша через некоторое время. Он не мог забыть о недавних соседях.

— Наверное, на водопой ходили на Верхние озёра, а ливень застал их в пути. Вот и выкупаются. И нас поближе узнали...

Грома уже не было слышно. Над ущельем голубела полоска неба. День клонился к вечеру, и охотники ускорили шаг.

ЗНАКОМЫЕ ЧЕРТЫ

Бесшумно раздвинув густые кусты, Кеша вышел на обширную, залитую солнцем поляну. Вся она густо поросла высокими жёсткими стеблями голубицы, чуть склонившимися под тяжестью крупных, с голубым отливом ягод. Ноги мягко утопали в толстом слое мха.

Кругом было тихо. Кеша осторожно поставил к ногам объёмистый берёзовый тусенок, опустился на колени и начал быстро собирать голубицу. Работа спорилась, и через полчаса тусенок был

наполнен до краёв. Чтобы не мять ягоду, мальчик не стал закрывать тусенок и положил крышку в карман. Поднявшись с колен, он оглядел ещё раз поляну. Ягод здесь хватало на весь колхоз. Зоркие глаза мальчика заметили, что одна ветка в нескольких шагах от него тихо вздрагивает. Вот она резко наклонилась и тут же снова выпрямилась. Это повторилось несколько раз.

Подхватив тусенок, Кеша метнулся вперёд и в несколько прыжков оказался у качавшейся ветки. В то же мгновение он испуганно отшатнулся. Прямо перед ним, почти задевая его крыльями, с шумом поднялись два тетерева. Справа и слева вспорхнуло ещё несколько птиц.

Птицы в тайге умеют жить бесшумно. Даже заведомо чужое соседство, они ничем не выдают своего присутствия.

Немного смущённый своим испугом и в то же время довольный тем, что колхозная тайга так богата, Кеша возвращался к шалашу. Он вышел к светлой лесной речке и пошёл вдоль берега.

На илистом берегу резко выделялись следы проходивших на водопой зверей. На тихой заводи ветревоженоно крикнула и поднялась старая утка. Вслед за ней вспорхнула целый табунок утят.

Кеша вполголоса зашел. Слова приходили сами собой, простые и ясные:

Капают, капают капли с утёса,
Догоняют друг друга и дальше бегут
ручейком.

Ручёк к ручейку — и рождается речка,
Что поит деревья в широкой долине.

К ней ходят напиться олени и лоси,
Приводят свой выводок старая утка,
Медведь поглядит на своё отраженье...

И всем невдомёк, что капля по капле
Рождается речка...

Сам-то он за лето узнал это хорошо. А ему хотелось, чтобы об этом знали и бесечно пьющие светлую воду большие и малые звери, и зелёные деревья, и травы.

Легко шагало и пелось в привольной тайге! По камням звенела вода, как будто река тоже пела о какой-то своей, известной только ей радости.

У тихой заводи, словно уснувшей в тени двух шатристых тополей, Кеша остановился. Поверху пробежал лёгкий ветерок. Вершины тополей сдержанно, но как-то по-особенному глухо прошевелили. А внизу было тихо. Однако в спокойной воде было уже что-то новое. Даже в тени вода была не по-летнему прозрачна. На поверхности, высоко подним черешки, лежали три пожелтевших листка тополя.

В ветвях что-то мягко зашуршало. Кеша поднял голову. Прямо на него летел широкий пожел-

тевший лист. Мальчик протянул навстречу листу сложенные корытцем ладони и поймал его. Лист был ещё крепкий, мясистый, но жёлтый. Он уже отработал, отжил своё, и усталые ветви отказались держать его в зелёной кроне.

Кеша приложил лист к обветренной щеке, потом снова подбросил его вверх. Лист медленно закружился в воздухе и тихо опустился на воду.

Острым ножом Кеша срезал мясистый стебель дудника, чтобы напиться свежей воды. Лесная, светлая, ничем не замутнённая, она была прохладна и вкусна.

Отложив дудочку, он снова склонился над водой, чтобы умыть лицо. И там отчётливо, как в зеркале, он увидел своё отражение. На него смотрело какое-то новое, возмужавшее лицо.

Да, это был не прежний Кеша, маленький школьник со стриженной головой и всегда как бы удивлёнными глазами.

И вдруг Кеше показалось, что ему где-то приходилось уже видеть такое лицо. Он наклонился ещё ниже. Ну да. Конечно! Он помнит, он видел этот длинный разрез глаз под чёрными широкими бровями. Видел такой же высокий лоб, чуть прикрытый сверху жёсткими чёрными волосами, и круглый подбородок.

Да, да. Ему никогда этого не забыть. Это милые, родные черты лица человека, который, уходя на войну, нёс его на руках и обещал скоро вернуться.

Кеше захотелось протянуть руку к воде и погладить того, знакомого, по щекам, прижаться губами к его высокому лбу.

Губы дрогнули.

— Отец...— Две капли одна за другой упали в воду, родив лёгкие круги.— Отец! Ты не думай. Мне не плохо,— сказал Кеша уже громко.— Тебя никто не забыл. Тебя нет с нами, а говорят про тебя часто. И все доброе говорят. Мне хорошо с людьми. Я вырасту и приеду к тебе на могилу рассказать о нашей тайге, о людях, которые тебя не забывают. У меня и там теперь много друзей. Когда я приеду, они будут стоять рядом со мной у твоей могилы.

Чутьбы не расплакаться, Кеша поднялся с колена, срезал большую ветку молодого тополя и воткнул её в землю у самой воды.

Вечером Кеша рассказал старому Антипе, как он увидел в своём отражении родные черты отца.

— Возмужал ты, парень,— сказал Антипа и внимательно, словно долго не видел, посмотрел на мальчика.— Скоро совсем мужчиной станешь.

Больше они в тот вечер ни о чём не говорили.

...Проснулся Кеша рано. Что-то жгло лицо. Он провёл ладонью по щекам. Они оказались влажными. Кеша потянулся к ичигам, чтобы обуться.

Плохо подсушенные ичиги даже в палаше застыли.

Трава, остывшие головешки от костра — всё было покрыто тонким слоем инея.

Первый утренник! Пришла осень. Пора было собираться домой.

ДОМА

Порожистая река задержала охотников в пути. Кеша на два дня опоздал в школу.

Учитель Иван Петрович, встретивший их на берегу, сделал мальчику выговор.

— Он на работе был,— заступился Антипа.— Вот она как шумит,— показал он на бьющуюся в камнях реку.— Река задержала.

Но учитель был неумолим.

— Ниче все на работе были. Ничто не сидел сложа руки. А река не виновата. Надо было выехать раньше. Он не для меня учится. Его учёба всем нужна.

Кеша обижено молчал. Не о такой встрече он думал.

Наутро он пришёл в школу раньше всех. Сторожиха привела его в большую комнату, где в прошлом году занимались кружки; теперь здесь был класс. Не зная своего места, Кеша сел на первую попавшуюся ему парту.

Стайкой шумливых воробьёв ворвалась группа одноклассников. Ребята радостно окружили Кешу.

— Во-первых, здравствуй, во-вторых, ты сел не на своё место,— затараторил самый маленький и самый бойкий в классе Марк Чугунаев.— В-третьих, ты сейчас же расскажешь о своём путешествии.— И, приложив ладонь к уху, Чугунаев приготовился слушать. Он хотел подчеркнуть, что не упустит ни одного слова.

— Во-первых, ты ничего не услышишь от меня: мы были в тайге целое лето, а ты хочешь, чтобы я рассказал всё за несколько минут. Во-вторых, вы мне сейчас расскажете всё, что прощил. А то меня Иван Петрович прямо на берегу ругал за опоздание,— в тон Марку ответил Кеша.

— Правильно,— согласились ребята.— Два дня — это короче, чем целое лето. Успеем рассказать до звонка.

Оказалось, что на уроках о новом говорили мало. Учителя проверяли, не забыли ли ребята то, что проходили в пятом классе.

Начальная колхозная школа перерастала в семилетнюю. Кеша заметил в классе много новых ребят из соседних колхозов. Для них был открыт интернат.

Перед самым звонком вошла Аныска Горбикан. За лето она сильно выросла. Её круглое лицо стало длиннее, потемнели широкие брови. Белый воротничок коричневого платья подпирал подбородок.



Сначала смущаясь, а потом всё смелее, Кеша рассказал о своей жизни в тайге.

Она весело кивнула Кеше головой и молча прошла на своё место.

Кеше оставлено было место на третьей парте, рядом с Захаром Тугутовым.

В первый же день, заняв парту, Захар сказал: — Здесь будет сидеть Кеша Аласов. Он скоро вернётся из тайги.

Никто из ребят не стал возражать. Захар и Кеша были друзьями.

Вошёл Иван Петрович, чисто выбритый, в новом костюме. Светлая рубашка и широкий синий галстук очень шли к его молодевшему лицу.

Он спокойно поздоровался и выжидательно оглядел весь класс. Все ученики были на месте. Взгляд учителя на минуту остановился на Кеше.

Кеша ждал новой взбучки за опоздание. Учитель действительно начал говорить о нём и старом Антипе. Но он говорил теперь совсем по-другому.

Учитель объяснил, какую большую пользу принесёт колхозу наблюдения двух охотников. Потом он попросил Кешу рассказать классу о том, что они видели в тайге.

Сначала смущаясь, а потом осмелев, Кеша с увлечением рассказал о своей жизни в тайге. Затаив дыхание, ребята выслушали рассказ о встрече в ущелье с медведем и кабаргой.

Кеша кончил, а в классе ещё долго стояла тишина.

— Ну, вот, — прервал общее молчание учитель. — Теперь каждый из вас должен написать на эту тему сочинение. Дётся три дня срока. Пишите так, будто эти встречи произошли с вами.

* * *

Кеша вернулся из школы в радостном настроении. Его сочинение получило отличную оценку. Правда, Кеша понимал, что так и должно быть.

Ведь всё это он видел сам. Ребятам, конечно, труднее. Они писали по рассказу.

Отличную оценку получили также Аныска и Марк. Аныска описала только встречу в ущелье, но её сочинение всё же заняло почти целую тетрадь. Его прочитали на уроке. Кеша слушал и видел совсем другое ущелье, другую — зелёную — воду. И медведь был другой — огромный. С его густой шерсти бежало так много воды, что она подтекала под кожаные мешки охотников. Вот Аныска, чтобы не замочить ичиги, села на кожаный мешок, подобрала под себя ноги и смело смотрит на раздувающиеся ноздри зверя.

И пока учитель читал, Кеша верил в рассказ Аныски и удивлялся её храбрости.

— Но у всех сочинений есть один недостаток, — сказал Иван Петрович. — Ни один из вас не написал, зачем он пошёл в тайгу, какое дело там выполнял. А ведь Кеша вам рассказал, зачем он был в тайге.

— Так то Кеша! А как же мы это скажем про себя? — ответили ребята. Никто из них не хотел присваивать чужие мысли и труд даже в школьном сочинении.

* * *

Положив на лавку старенькую сумку, Кеша увидел, что на столе его уже ожидает обед.

Мать, высокая, широкоплечая, с заплетёнными по-девичьи косами, отложила на подоконник недокуренную трубку и принялась резать хлеб.

— Садись скорей кушать. На собрание звали. И тебе обязательно велели прийти.

Кеша понял, что сегодня колхозники спросят с него и старого Антипы, чем они занимались в тайге, стоит ли им оплачивать трудом.

Он взял из глиняной миски кусок оленины, положил себе на тарелку и полял из другой миски несколькими ложками бульона.

Пока он ел, мать следила за сыном. Она тоже заметила, что Кеша стал очень похож на отца. Сходство было не только в чертах лица, но и в манере держать себя за столом, в неторопливом, уверенном разговоре, в скупых и твёрдых движениях рук.

Пообедав, мать снова разозлила потухшую трубку.

— Скоро и тебе придётся трубку покупать, — сказала мать, как бы признавая в сыне взрослого человека.

— Я не буду курить совсем, — ответил Кеша, собирая тетради и берестовые полоски с записями.

Мать знала, что у русских курят только взрослые, да и то не все. «Ну что ж, — подумала она. — Пусть будет так, Кеша от этого здоровее станет».

Зашёл Антипа. Поздоровавшись с матерью, он обнял за плечи Кешу.

— Ты не волнуйся, парень. Мы своё дело сделали. А говорить за нас будет председатель. У него толковее выйдет. Он теперь всё знает.

Они несколько вечеров просидели втроем с председателем, разбирая записи Кеша. Антипа дополнял скупые кешины заметки.

* * *

На собрание пришли все взрослые колхозники, кроме пастухов дальних стад. Пришли, как всегда, и учителя: школа жила в тесной дружбе с колхозом.

К началу собрания пришло несколько ребят. Потупившись, они торопливо проходили в дверь и бесшумно усаживались на задних скамейках.

Иван Антонович занял своё председательское место и открыл широкий блокнот.

— Товарищи, — сказал он тихо. — Сегодня мы собрались, чтобы подытожить запасы зверя в нашей тайге и правильно распределить наши охотничьи бригады по участкам.

В комнате установилась глубокая тишина.

Доложив о летних наблюдениях охотников, Иван Антонович высказал мнение правления о составе бригад и о намеченных для них маршрутах.

Этот вопрос обсуждался обстоятельно и долго.

К удивлению взрослых охотников и даже учителей, слово попросил Кеша.

Мать с тревогой посмотрела на сына: что он мог сказать о том, кого и куда послать на промысел? Чтобы скрыть вспыхнувшее от смущения лицо, она опустила голову. «Мальчик стал зазнаваться, захотел обсуждать большие дела вместе со взрослыми, — думала она. — Зря я не поговорила с ним до собрания».

— Я думаю, что план нужно немного испра-

вить, — сказал вставший, как в классе перед учителем, Кеша и посмотрел на президиум.

— Разве так уж важно, что думает мальчик? — спросил кто-то из колхозников.

— Ничего, говори, Кеша, — подбодрил мальчика Иван Антонович.

— Я думаю, в долину Тунку нужно послать меньше людей, — продолжал Кеша.

— Это почему же? — спросил Иван Антонович. — По вашим наблюдениям, туда много зверя набежало. Значит, туда надо послать больше охотников.

— Туда пришёл чужой зверь, с долины Чушикана. А это угоды колхоза «Советский север». Долина Чушикана выгорела. Там охотники останутся без промысла. Половину долины Тунки надо отдать колхозу «Советский север». Так будет честно. Справедливо так будет.

Кеша торопливо опустил на своё место.

— Кто хочет высказаться? — спросил председатель. — Собрание должно обсудить предложение Иннокентия Максимовича Аласова.

Иван Петрович широко улыбнулся и что-то зашептал своим соседям, преподавателям. Они согласно кивали головами. Повидимому, им было приятно, что их ученик выступил с таким предложением.

— Сын Максима прав, — сказал поднявшийся со своего места Антипа. — Чушикан — самое большое промысловое угоды колхоза «Советский север». Там теперь нет зверя. Какой успел, ушёл. Какой не успел, погиб. Много зверя оттуда пришло в Тунку.

— Что ты предлагаешь, огонёр? — спросил председатель.

Антипа ответил не сразу. Он долго стоял, поглядывая на потухающую в руках трубку, и беззвучно шевелил губами.

Все понимали, что старый охотник находится в глубоком раздумье. Нужно было по справедливости решить, как разделить долину Тунку, чтобы не обидеть себя и быть честными перед соседями.

— Мы должны так поделить долину Тунку, — сказал он наконец. — Весь верх долины от Сулого ключа надо отдать колхозу «Советский север» — туда пришёл зверь с их угодий... Кто знает, может, на будущий год нам придётся идти к ним за помощью...

После недолгого обсуждения собрание вынесло решение сообщить колхозу «Советский север» о пожаре на Чушикане и передать им во временное пользование охотничьи угоды в верховье долины Тунки.

Мать больше не смущалась за Кешу. Всем своим материнским сердцем она чувствовала, что её сын хорошо вступает в жизнь.



По просторам родной страны



В АКСАРАЙСКОЙ СТЕПИ

Юные путешественники из Астраханской областной туристической станции решили посмотреть те места, где сейчас ещё безводная пустыня, но которые вскоре станут цветущим садом. Ребята отправились в поход за Волгу, в Аксарайскую степь.

Вот что они увидели.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОД

Не стоит подробно говорить о том, как поезд мчал нас через Волгу до станции Досанг, потому что самое интересное начинается после того, как мы прошли пять километров от Досанга до совхоза Ахгуба. Здесь нам дали пару волов, и мы отправились в путь.

Управлять волами хочется всем, и эта обязанность, вернее, удовольствие, достаётся каждому по очереди.

— Цоб-цобе! — покрикивает очередной погонщик.

Медленно и покорно шагают волы, скрипят колёса арбы, в ней среди рюкзаков и другого сна-

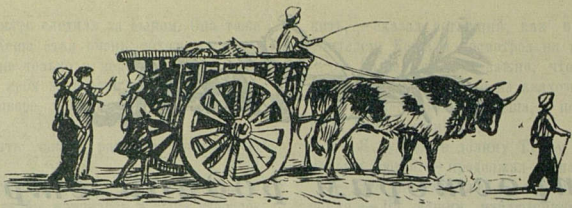
ряжения поблескивают узорными боками два десятка арбузов, взятых в совхозе на дорогу. Мы легко поспеваем за арбой.

Раскалённый воздух дрожит от зноя, ноги всплут в песке, который забивается в тапочки и в ботинки.

Кругом ни деревца, ни кустика. Вот она, Аксарайская степь, полупустыня! Только весной здесь зеленеют низкорослый джугун и песчаный овёс-киняк, успевающий после дождей за две — три недели вырасти и созреть. Потом его быстро выжжет солнце, иссушит ветер, прилетающий из-за Каспия, с раскалённых песков Кара-Кумов. Сейчас, в конце лета, от зелени нет и следа. Остался только «верблюжник». И он сильно досаждаёт нам. Просто не верится, что это колючее растение — любимое лакомство верблюдов.

Кругом ни зверя, ни птицы, только маленькие, быстрые ящерицы то и дело перебегают нам путь. Пока бежит такая ящерка, её видишь. Оста-





новится, замрёт — и сразу делается невидимкой, серо-жёлтая на серо-жёлтом фоне.

Жара невыносимая. Песок хрустит на зубах, режет глаза, от него першит в горле. Волы всё чаще и чаще останавливаются. Пора делать привал. Это слово обычно вызывает представление о журчащем ручье, зелёной травке, тенистом дереве. Ничего похожего не было на нашем привале. Кругом — ищи не ищи — ни капли воды. Вот когда нам пригодились арбузы! Мы утолили ими жажду. Из выеденных арбузных половинок получились круглые чаши. В них мы налили воды из наших фляжек и дали волам. Волы с удовольствием пили её, а потом с не меньшим удовольствием съели и посуду.

БАРХАНЫ

Мы заметили их ещё издали. Словно жёлтые волны, вздымались они перед нами, совсем как на фотографиях и рисунках, которые столько раз встречались в книжках и учебниках. С криком бросались мы бежать, чтобы скорее взобраться на гребень первого бархана. Не тут-то было! Пёсок осыпается под ногами, и мы со смехом скользим вниз. Самой проворной и хитрой оказалась Валя Ганзюк. Опираясь на походный посох, она первая добралась до вершины бархана. Наконец, помогая друг другу, барахтаясь в песке, все мы оказались на вершине бархана. А волы тем временем тащили скрипящую арбу с наветренной стороны, где песок лежит плотным слоем.

Идём дальше. Когда налетает порыв ветра, гребни барханов начинают куриться, и песок тонкими струйками стекает вниз.

Вскоре мы убедились, насколько подвижны пески. Устроившиеся на ночь, мы воткнули дорожный посох у подножья бархана. Утром посох исчез. Пришлось долго раскапывать песок, пока мы добрались до нашей вехи. За ночь бархан «переполз» на два метра.

Вот так и движутся пески. Перед ними много веков отступали люди.



Но в нашей стране пески встретили могучую преграду; советский народ, вооружённый наукой, смело перестраивает природу.

Проводник показал нам место, где пройдут ползающие полосы. Здесь будет шуметь зелёный лес!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И НАХОДКИ

Из совхоза Ахтуба навстречу нам выслали двух верблюдов и двух лошадей. На верблюдах решили ехать все по очереди, чтобы испытать и такой способ передвижения.

Чинные и важные стояли верблюды, изредка издавая звук, похожий на скрип ржавых петель. Собственными глазами увидели мы, как они лакомятся «верблюжником». Опустив длинную шею, верблюд захватывает кустик у самого корня, отрывает его и ловко забирает в рот от основания к верхушке. Страшные колючки обращены кверху и поэтому не ранят.

Володе Чумакову и Лиле Дегитовой предстояло ехать в первой смене. Володя тряхнул вниз уздечку, как его учили. Верблюд опустился на колени, согнув сначала передние, а потом задние ноги. Вова и Лилиа сели ему на спину. Лилиа крепко ухватилась за Володю. Верблюд встал. Сначала он выпрямил передние ноги — всадников бросило назад, потом выпрямил задние ноги — такой же толчок вперёд.

Впереди уже шагал другой верблюд, и на нём, раскачиваясь, как в лодке, восседали Саша Тыльников с Мариной Кругловой.

Верблюдов принято называть «кораблями пустыни». В одном они безусловно похожи на корабли: на них испытываешь настоящую морскую качку.

Проехав некоторое время, Володя остановил верблюда. Путешественники чувствуют твёрдую землю под ногами, а на верблюдов взбирается вторая смена. Продолжая свой путь пешком, ребята пришли к выводу, что и пешее хождение имеет свои хорошие стороны.



В совхоз вернулись с находками: песок, коричневым от примеси железа, морские ракушки, собранные в песке, — свидетельство, что здесь было когда-то дно Каспия, кустик джугуна, выкопанный с великим трудом, так как у него оказался пятиметровый корень. Саша Тынников поймал ящерицу для живого уголка, а Гера Габриелов уже в совхозе у самой реки — ёжика.



Такой длинный корень у джугуна — кустарника, растущего в пустыне.

ФОРПОСТ ЗЕЛЁНОЙ АРМИИ

Снова поезд мчит нас от Досанга. На конец перед нами озеро Баскунчак. Дальше нас везёт полупансионная машина, вышедшая из посёлка Верхний Баскунчак.

Всё та же выжженная земля, всё та же мёртвая тишь. Но что это? Впереди вдруг зелень. Не трава, не кусты, а раскидистые, могучие деревья, густые полосы зелени. Вот мы уже едем среди этих зелёных полос. Они тянутся правильными рядами, а между ними золото живицы, бахчи, плантации овощей... Так предстал перед нашими глазами Богдинский опорный пункт, форпост Зеленостроя, созданный в 1925 году среди таких же раскалённых песков, как те, в которых мы были вчера.

Мы разбили лагерь на опушке лесной полосы. Над нами раскинулись могучие кроны дубов, весело шептались серебристые листья клёна и ольхи, качали вершинами вязы, а внизу густым подлеском росли жимолость и другие кустарники.

Всю ночь мы проспали под неумолчный шорох ветвей, а когда пришло утро, отправились в «путешествие в будущее», которое здесь уже стало настоящим.

Мы увидели парк, где выращено множество различных древесных пород, чтобы испытать, как они здесь приспособятся. Белая сирень, обитатель-

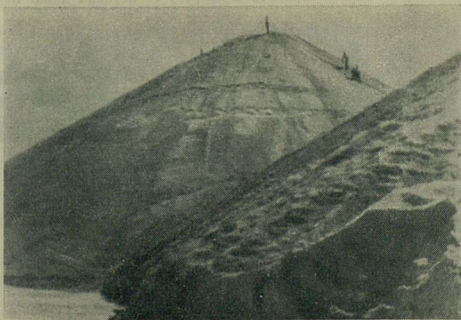
ница умеренного климата, приспособилась к астраханскому лету так же хорошо, как и привыкшая к морозам сибирская яблоня. Крымская ива чувствует себя здесь, как дома, и вяз, как обычно, быстро тянется к свету и создаёт защиту для молодых деревьев.

Потом мы ходили в лесопитомник и смотрели, как выращиваются молодые дубки. От палящего солнца их прикрывают соломой, а в засушливую пору поливают из артезианского колодца. Воду качают волю, впряжённые в колесо. Она поднимается с двадцатиметровой глубины и бежит по трубам во все уголки питомника. Мы узнали, что первые пять лет дубки растут медленно, а потом обгоняют всех своих сверстников.

Так интересно было всё это, что нам захотелось и самим поработать. Мы предложили свою помощь в сборе семян для новых древесных посевов. Разбрались по лесной полосе и за несколько часов набрали четыре килограмма жимолости татарской и лоха узколистного.

На опорном пункте мы всё время ходили, как очарованные: не верилось, что здесь когда-то были мёртвые пески. И мы представили себе картину будущего: там, где ещё вчера мы увязали в барханах, пройдёт одна из лесных полос, создаваемых по сталинскому плану.

Рядом с нашей стоянкой, где мы расположились на отдых, было два озера: солёное — Баскунчак — и другое, маленькое безымянное, образованное талыми снегами в запруженном овраге. Нам захотелось выкупаться в солёных водах Баскунчака. Вот это была потеха! Здесь не только нельзя утонуть — здесь и нырнуть трудно. Солёная вода такая тяжёлая, что нас выбрасывало вверх, как пробку. Ноги поднимало выше головы, того и гляди станешь вертикально, как поплавок во время клёва.



Огромные горы соли увидели ребята на берегу Баскунчака.

Вечером пришлось удивиться ещё раз. Мы задумали сделать яичницу, но оказалось, что яйца, которые мы утром оставили на песке... испеклись — такой он горячий.

С любопытством поглядывали мы на красноватую гору Богодо, возвышающуюся дальше по берегу над Баскучачком. На другой день мы поднялись на неё и нашли там окаменелые раковины. Им шестьдесят миллионов лет. Они жили на дне древнего моря, а гора Богодо была в то время выступом на дне этого моря.

Удивительный вид у горы Богодо! Она вся изрыта причудливыми пещерами, то и дело встречаются камни — ни дать, ни взять сказочные чудовища, невиданные звери. Их создали два скульптора: вода и ветер.

Три дня отдыхали мы в нашем лагере. А потом отправились домой, в Астрахань.

По дневникам ребят составили

А. Абрамов и Е. Рубцова

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПОПРАВКА

В. Хмельёва



Дорога шла узкой лентой и пропадала за бугром, где беспорядочно стояли домики деревни Мало-Колодезной. Пятнадцать мальчиков и девочек — юных путешественников 11-й школы Сталиногорска — миновали деревню и вышли на дуг. Как ни устали ребята, а всё-таки прибавили шагу, когда увидели впереди синие воды Иван-озера, из которого вытекает Дон.

Цель похода юных путешественников — исследовать истоки великой русской реки.

Вот и озеро. Но что же это такое? Озеро совсем не соединяется с Доном! Высокая прочная насыпь железнодорожного полотна, идущего к новым угольным шахтам, отрубил Иван-озеро от Дона. Откуда же вытекает Дон?

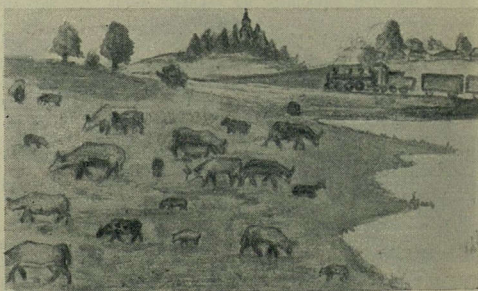
Ребята быстро взобрались на насыпь. К югу от насыпи образовалось болото, густо заросшее растениями-водолюбами. С северной стороны к полотну вплотную подошло Иван-озеро. У самого берега под откосом сельские ребятки ловили корзинами рыбу. Юные географы стояли растерянные и озадаченные: откуда же вытекает Дон, где его начало?

— Пётр Дмитриевич, да как же это, ведь во всех книгах сказано, что Дон берёт начало из Иван-озера?! — возмущённо говорит Саша Шерстобитов.

— Книги тут, Саша, не виноваты, — отвечает руководитель похода Пётр Дмитриевич Сазыкин. — Человек — великий преобразователь природы, он изменяет лицо страны. Те, кто писал, что Дон берёт своё начало из Иван-озера, писали правду. До 1935 года, то есть до строительства железнодорожной насыпи, это действительно было так. О том, что Дон вытекает из Иван-озера, говорится не только в записях учёных-географов, но и в народных песнях. В старинной казачьей песне, например, поётся: «Ой, да помутился батюшка Дон, как от самого озера Иванова, так до самого города, до Черкасова».

— А почему в казачьей, Пётр Дмитриевич? — спросила любопытная Тоня Захарова.

— Потому, что в этих местах проходила казачья засека, охраняющая русскую землю от набегов степных кочевников. Название Засецкий посёлок в северной части Сталиногорска идёт с тех времён. А теперь, — сказал Пётр Дмитриевич, — вернёмся к вопросу об истоках Дона. По-



Колхозное стадо около Иван-озера. Рисунок Юры Рубцова.

смотрим, нет ли с южной стороны полотна каких-нибудь источников.

— Есть, есть! Вон, совсем близко отсюда, у моста, в направлении деревни Мало-Колодезная! — закричал Юра Сазыкин, указывая рукой на быстрый ручей.

— Так это же Урванка! — закричали ребята.

— Правильно, это ручей Урванка. Он берёт начало севернее Сталиногорска. Пойдёмте, исследуем, — сказал Пётр Дмитриевич.

Отряд быстро спустился с насыпи и направился к ручью. Других источников по соседству не было. И хотя не верилось, что такой маленький ручей даёт начало могущественному Дону, сомнений быть не могло. Это и был исток Дона!

— Ребята, ребята, ведь это же — целое географическое открытие! Ура! — воскликнула Саша Шерстобитов, подбросив в воздух кенку.

— Нет, ребята, это не географическое открытие, — сказал, улыбаясь, Пётр Дмитриевич, — это только географическая поправка. Иван-озеро — родниковое озеро. В нём бьёт много подводных ключей. Урванка тоже начинается от одного из ключей. Давайте, не теряя времени, изучим его. Гидрологи Алик Перепёлкин и Саша Шерстобитов, проверьте ширину ручья.

— 1,33 метра, — сказал через несколько минут Алик, скручивая рулетку.

— Хорошо. Запишите и возьмите глубомер.

— Глубина 0,5 — 0,7 метра, — сообщил Саша.

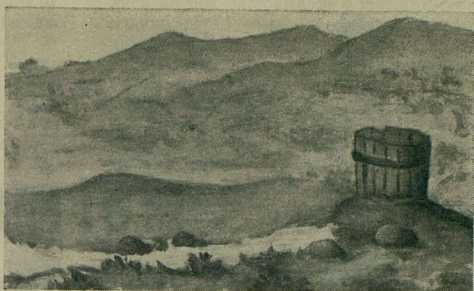
— Хорошо. Теперь метеорологи. Тоня Захарова, какая температура воды?

— Двадцать градусов по Цельсию, — сказала Тоня, глядя на термометр.

Ребята работали с увлечением. Скорость течения оказалась 0,5 м/сек., температура воздуха — 22 градуса. Берега — низкие, местами заболоченные.

Поднявшись вверх по течению Урванки, ребята обнаружили, что в этот ручей впадает другой, совсем маленький родник. Это оказался родник Мало-Колодезный, который привёл их в деревню Мало-Колодезная, к кадке без дна, врытой в землю в том месте, где родник берёт своё начало. Юра Рубцов зарисовал этот ручей. Кто-то из ребят пошутил, что Дон вытекает из бочки.

Вода в роднике оказалась холодной и очень вкусной. Путешественники решили сделать при-



Родник в деревне Мало-Колодезная. Рисунок Юры Рубцова.

вал. Они развели костёр и с удовольствием стали готовиться к ужину.

Начало смеркаться. Где-то засверкали зарницы. Загремел гром. На горизонте показалась тяжёлая, чёрная туча.

Поужинав и быстро собрав снаряжение, путешественники двинулись ускоренным шагом к деревне Иван-Озеро. Дождь уже накрапывал большими редкими каплями, когда ребята дошли до школы, где они решили расположиться на ночлег.

За окном сердито гудел ветер, но в пустом классе было уютно и тепло. Юные путешественники долго не могли уснуть, полные впечатлений.

Наконец всё стихло. Только Юра Сазыкин всё ворочался и что-то шептал.

— Ты чего? — поинтересовался лежащий с ним рядом Саша Шерстобитов.

— Слушай, Сашка, я стихи о нашем походе сочинил, — зашептал Юра.

— Стихи? А ну, почитай!

— Из ручьёв, потоков
Зародился Дон,
У большой деревни
Протекает он.
Рыбки в нём малютки
Плавают у дна.
Пареньку в корзинку
Заплыла одна.
Изучали Дон мы... —

Юра читал всё медленнее, будто подбирая слова, —

Дружно, всем кружком,
Мерили глубины,
Шли сырым...

Юра неожиданно умолк.

— Ну, а дальше что? — нетерпеливо спросил Саша. Но Юра ничего не ответил. Утомлённый событиями прошедшего дня, он уже спал.

Золотая Рыбка

Рассказ В. Архангельского

Рисунки П. Кузьмичёва



Дед Артём поджидал внука на плотине. И едва Стёпа показался на тропинке, дошёл ему навстречу.

Высокий бородатый старик с белыми волосами до плеч двигался чётким солдатским шагом.

Синяя рубашка деда Артёма была перехвачена узким ремешком. Две стрелы, полумесяц и голова коня, прикреплённые к нему на длинных подвесках, сверкали на солнце и позвякивали при каждом шаге. Этот ремешок Артём Петрович получил в подарок от Михаила Васильевича Фрунзе и никогда с ним не расставался.

— Здравствуй, де-да! — весело прокричал мальчик, высоко подбрасывая кепку.

— Здравствуй, внучек! — ласково отвечал дед.

Он объял Стёпу, и мальчик прижался лицом к мягкой, пушистой бороде, пропахшей табаком.

— Смотри, как вытянулся, пострелёнок! Этак и меня скоро перегонишь!

— Где уж там! — засмеялся Стёпа, освобождаясь от рук деда и задирая голову, чтобы глянуть ему в глаза.

— Значит, в четвёртый перешёл без единой тройки?

— Да!

— Ну, тогда рад гостю.

Стёпа отдал рюкзак Артёму Петровичу и помчался через плотину по зыбким доскам, под которыми грохотала река Кубря.

Миновав мельницу, он пробежал мимо

склонившихся над водой густых вётел и с раскрасневшимся лицом остановился у ветхого домика над омутом.

Подошёл Артём Петрович, открыл дверь и, наклонившись, перешагнул через порог.

— Вот и наши хоромы!

В домике, как и в прошлый стёпин приезд, пахло мукой. Артём Петрович работал на мельнице и, когда жернова молотли, весь покрывался мучной пылью.

— Весь ты, деда, пропах мукой, Тебя в печку — вот бы славный пирог получился! — засмеялся Стёпа.

— Не пирог, а пирожище, — весело сказал дед, расправляя могучие плечи и почти касаясь головой потолка.

Артём Петрович радовался приезду Стёпы.

После смерти жены он жил одиноко и часто скучал. Правда, в конце лета, осенью и зимой скучать бывало некогда. У мельницы вереницей стояли колхозные подводы в ожидании помолы. Шум жерновов тонул в весёлом смехе девчат, в звонких песнях. Все громко разговаривали, и каждому хотелось потолковать с мельником. Но весной и летом, когда хлеб ещё стоял в полях, около мельницы было пусто, и старому солдату не с кем было перекинуться ласковым словом.

В эти-то досужие летние дни и появлялся у деда желанный гость — Стёпа.

Артём Петрович горячо любил внука, но баловать его не умел и не хотел. Он про-

сто старался занять мальчика делом, чтобы тот рос работящим и любознательным.

Чуть свет Артём Петрович будил Стёпу, и при любой погоде они отправлялись купаться на реку. Дед научил внука не бояться воды, переплывать Кубрю даже в самом широком месте, где чернел под плотиной мельничный омут.

После купанья Стёпа приносил ведро воды и ставил самовар, для которого всегда у него было в запасе два — три мешка сухих сосновых шишек.

Шлопоты по хозяйству вошли у Стёпы в привычку, и деду редко приходилось напоминать ему о том, что надо бы сходить по грибы или по чернику, сбежать в село за солью и махоркой.

После года, проведённого в городе, всё здесь было интересно для Стёпы: и жизнь пчёл, неустанно работающих дружной семьёй, и немолчный гомон птиц в лесу, и рассказы Артёма Петровича, и собиранье цветов и трав для школьного гербария.

Но больше всего Стёпа любил реку.

Она шумела под самыми окнами. Вода катилась широкой струёй по мельничному жёлобу, с грохотом падала в омут, а затем стремительно убегала по руслу, облизывая прибрежные камни и пенясь.

Полежать на хрустящем песочке, поймать рака под берегом, бросить кузнечика в прозрачную воду и смотреть, как за ним начинается охотиться рыба, — всё это нравилось Стёпе. А интереснее всего была рыбалка.

Стёпа то ловил рыбу с лодки, то сидел на берегу, пристально наблюдая за поплавками.

Часто к нему подсаживался с удочкой Артём Петрович. А когда Стёпа начинал приставать к делу с вопросами, старик обычно отвечал:

— Подумай сам, мальчик, доходи до всего своим умом.

— Почему ты не ловишь лещей, когда зацветает черёмуха? — спросил однажды Стёпа.

— А ты проверь, только гляди вокруг зорче!

Стёпа отправлялся в то место, где лучше всего брали лещи, сидел часами на берегу с удочкой — рыба не клевала.

Ранним утром мальчик увидел однажды, как стая лещей вышла на мелкое местечко и подняла возню возле куги. Лещи проплывали у травы, изредка перевёртыва-

лись на бок, высовывали золотисто-серые спинки, оставляя за собой какую-то беловатую муть.

Стёпа рассказал об этом Артёму Петровичу.

— Так, — сказал дед. — Ты правильно подметил всё. Лещи метали икру, а в это время они не клюют ни на какие приманки. Вот тебе и черёмуха!

Как-то вечером дед предложил:

— Возьми фонарь и пройди осторожно по тропинке к мельнице. Может быть, узнаешь кое-что новенькое.

Стёпа пошёл.

При тусклом свете фонаря всё вокруг казалось необычным: и деревья гуще, и земля чернее.

Освещённый огнём, зашевелился паучок. Он протянул свою сеть между двумя ветками, и теперь она дрожала, когда он перебирал лапками в центре паутины.

Вот лениво прыгнула серая жаба, покрытая пупырышками, как молодой огурец. Она сверкнула зелёными глазами и отползла, уступая дорогу мальчику.

Потом, словно тень, мелькнуло что-то рядом с листом лопуха и мгновенно ушло в землю. Стёпа увидел лишь круглую ямку, в которую легко мог войти карандаш.

Мальчик шагнул ещё и вдруг заметил червя, да такого большого, каких ему не приходилось находить в навозной куче за сараем.

Мальчик осторожно схватил червя и вытащил его из ямки.

«Вот так штука! — подумал мальчик. — Значит, об этом и говорил дед».

Идти стало куда интереснее. Но Стёпа заторопился и с хрустом раздавил мясистый черенок лопухового листа. Одновременно в двух местах скользнули по земле черви и юркнули в дырки.

«Они боятся не света, а шума. Двигайся тише!» — скомандовал себе Стёпа.

Скоро у него на широком листе лопуха лежал десяток жирных червей.

— Молодец! — похвалил дед. — Значит, сам дошёл, догадался. Ловить червей с фонарём лучше, чем искать в земле. Они выползают ночью понежиться на воздухе и называются выползками. Такой червь — лучшая насадка для сома или леща. Если бы нам с тобой живцов немного, тогда завтра лови, что хочешь!

Дед ещё спал, когда Стёпа взял наметку и отправился бродить по реке под кустами. Но поймать живцов в светлой воде не удалось.

«Сбегаю-ка я на озеро», — решил мальчик и отправился через берёзовую рощу к лесному озеру.

До чего же хорошо было на рассвете в лесу!

Соловьи пели без умолку, один краше другого. Дед Артём рассказывал Стёпе, что это поют самцы, пока самочка сидит в гнезде и высиживает птенцов. Недолга красивая песня соловья, она длится не больше месяца, зато звучит почти круглые сутки; не слышать её только в самые жаркие часы дня. А поднимутся птенцы на крыло, научатся добывать корм, и замолкнет соловушка, а потом раньше других птиц улетит за тридевять земель, в тропические страны, в сердце Африки.

С соловьями всюду соревновались, спорили дрозды. Ух, какие они мастера дурачить несведущих людей! Так поют, что заслушаешься. — Соловьи, да и только! Разливаются на все лады, щебеляют, захлёбываются, но нет в их трелях соловьиной красоты. И хоть и здорово у дрозда получается, только Стёпу не обмануть: он всегда отличит соловья от дрозда!

Легко идти в утренней прохладе, и давно бы показалось озеро, да уж очень много всяких соблазнов по дороге: белые тюльпанчики ландыша в яркой зелени листьев, жёлтые колпачки баранчиков на вкусных мохнатых быльочках, первая сыроежка, словно сама удивившаяся тому, что так рано вылезла из земли, зелёные ещё ягоды земляники. Разве пройдёшь мимо них? Скоро земляника начнёт румяниться, наливаясь сладким соком. Стёпа нагнулся, поглядел. «Погожу дней десять, возьму лукошко — и айда на вырубку!»

Солнце встало, надо было поторапливаться.

Проснулись и глянули в озеро стройные сосенки в зелёных шапочках и берёзки в белых кофточках с чёрными крапинками. Их тени далеко падали на воду, и казалось, что каждое деревцо имеет под водой ещё один длинный ствол и красивую крону.

Озеро лежало в торфяных берегах, и вода в нём была похожа на вчерашний чай. Она стала чёрной, как только Стёпа сполз с берега и пошёл по дну.

Скоро в наметке заплескались пузатенькие серебристые и золотистые рыбки.

Наловив живцов, Стёпа пошёл домой, осторожно прикрывая ведро, чтобы не расплескать воду.

— Вот сколько карасиков! — важно сказал он, подавая ведро деду.

Артём Петрович посмотрел на живцов, ухмыльнулся в бороду и стал вылавливать и опускать в другое ведро серебристых рыбок.

— Это мне, а золотые рыбки останутся тебе. Ладно?

— Ладно.

— Удружил ты мне с живцами, доставляю и я тебе радость — подарю удочку, — сказал дед и протянул Стёпе удилце, на которое юный рыболов не раз поглядывал с завистливою жадностью.

Стёпнины удочки были хуже, хотя вырезал он для них самые гибкие и прямые стволы орешника, привязывал их тонким концом к стропилам в сарае, а к комлю подвешивал большой кирпич, чтобы они вытянулись и не покоробились. Но такой гибкой и лёгкой удочки Стёпе сделать не удавалось.

День прошёл в разных хлопотах по хозяйству, а перед вечером дед Артём сел с внуком в лодку, вывел её под плотину, причалил кормой к старой свае и сказал:

— Наденем по живцу. Поглядывай, как я буду ловить, у меня возьмёт скорее.

Минут через пятнадцать удилце у деда Артёма дрогнуло, согнулось, леса пошла в сторону, и в лодке закувыркался и забил хвостом небольшой судачок.

Дед положил рыбу в корзину и тихо проговорил:

— Что я тебе сказывал? Раз — и готово! Покалёвку не прозевай!

Но Стёпа не мог прозевать: у него рыба не брала. А дед покуривал да ловил. Мальчик готов был заплакать от обиды.

— Без дела сидеть нечего, — сказал Артём Петрович. — Снимай мою рыбу с крючка и бросай в корзину.

Стало темнеть.

— Ну, что ж, на сегодня хватит. Мы ведь с тобой не жадные, — сказал Артём Петрович, отвязывая лодку.

Узкий месяц висел в тёмном небе. За кормой бежала спокойная волна. В лесу затих последний дрозд, и только соловьи пели свои задушевные песни. Летучие мыши беззвучно гонялись за комарами, чуть не задевая Стёпу крыльями.

Но Стёпа смотрел на всё равнодушно.

Не говоря ни слова, он выпрыгнул из лодки. И ужинал молча.

— Что ж ты нос повесил? Проживёшь с моёю головою, многому научишься. А сейчас я так скажу: плохи твои живцы.

ствования... был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьём за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов...»

Два раза в этих путешествиях ему приходилось отстреливаться. Раз ночью по пути из Кубы он со своим спутником — офицером того же полка — чуть было не попал в плен к лезгинам.

Сохранился портрет Лермонтова, который он нарисовал, глядя на себя в зеркало: поэт одет в черкеску с газырями на груди, на поясе у него кинжал, на плечах — мохнатая бурка. Такова была форма нижегородских драгун.

Оказавшись в Закавказье, Лермонтов решил изучить азербайджанский язык, очень распространённый среди кавказских народов. А начал изучать язык, заинтересовался азербайджанской народной поэзией и тогда же перевёл на русский язык популярную среди народов Закавказья сказку про странствующего певца Ашик-Кериба. Но вскоре в Тбилиси пришёл указ о переводе Лермонтова в другой полк, стоявший в России. Сложив в чемодан рукописи, Лермонтов покинул Закавказье, полный новых впечатлений и новых поэтических замыслов. Он уже решил по-прежнему написать свою прежнюю поэму о Демоне, уже обдумывал «Героя нашего времени», уже замыслил поэму о страданиях гордого Мцыри... К сказке об Ашик-Керибе он так и не вернулся и даже не успел переписать её набело.

Через несколько лет после смерти Лермонтова один из его друзей, разбирая оставшиеся после него бумаги, обнаружил какую-то сказку.

«Давно тому назад, в городе Тифлисе, — начиналась эта сказка, — жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магиль-Мегери; хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магиль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиса. Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых. На одной свадьбе он увидал Магиль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку — и он стал грустен, как зимнее небо...»

Заглавие в рукописи не было. Приятель Лермонтова отнёс её к издателю; читая сказку, они, очевидно, обратили внимание, что в первых строчках упомянуты богатый турок и турецкая балалайка, и заглавие придумали сами: «Ашик-Кериб. Турецкая сказка». Так с тех пор она и печатается под этим названием.



Прошло пятьдесят пять лет. В 1892 году молодой азербайджанец — учитель Махмудбеков — услышал в одном селении, недалеко от города Шемахи, историю странствующий Ашик-Кериба, которую исполнял народный певец ашик Орудж. Свой неторопливый рассказ ашик перемежал песнями, аккомпанируя себе на саазе.

Со слов его учитель записал сказку, потом перевёл её на русский язык и отправил в Тифлис учителю тифлисской гимназии Богоявленскому. Богоявленский прочёл присланную ему рукопись и обратил внимание на сходство её с лермонтовской сказкой. Правда, запись учителя Махмудбекова была гораздо длиннее, и в ней шла речь о многих приключениях Ашик-Кериба, про которые у Лермонтова не говорится ни слова. И начиналась народная сказка совсем по другому: в городе Тавризе жил богатый купец. После смерти купца неразумный сын его Расул промотал всё состояние и впал в полную нищету. И вот во сне является к нему пророк Хидрилиз и наделяет его даром песен. «Отныне ты певец, — говорит он, — и будешь именоваться Ашик-Керибом». Он показывает Расулу образ его будущей невесты, дочери тифлисского купца Бахрам-бека. Взвзвывая с собой мать и сестру, Ашик-Кериб отправляется в Тифлис. Там он попадает в дом Бахрам-бека. Дочь купца через дверную щёлку видит Ашика и узнаёт в нём того, кого показал ей пророк Хидрилиз.

Всех этих событий у Лермонтова нет. У него действие начинается прямо в Тифлисе. Богоявленский напечатал присланную ему народную сказку в научном сборнике. А в предисловии упомянул, что вторая половина её очень похожа на лермонтовского «Ашик-Кериба». Но издатели сочинений Лермонтова в Петербурге продолжали печатать «Ашик-Кериба» с подзаголовком: «Турецкая сказка».

Впервые внимательно занялись изучением «Ашик-Кериба» только советские исследователи. И сразу же обнаружили в тексте Лермонтова целый ряд азербайджанских слов: «ага» («господин»), «ана» («мать»), «оглан» («юноша»), «рашид» («храбрый»), «сааз» («балалайка»). А в наименовании города Тбилиси Лермонтов, оказывается, сохранил азербайджанское произношение. Поэтому-то он и написал не «в Тифлисе», как называли его в ту пору русские, а «в городе Тифлисе», как говорят азербайджанцы. Тогда исследователям стало понятно, что Лермонтову рассказал сказку азербайджанец и что сказка азербайджанская, а не турецкая. Кстати, если бы её рассказывал турок, он бы иначе произнёс

даже имя Ашик-Кериба; турок сказал бы не Ашик-Кериб, а Ашуг-Кариб. И Куршуд-бека назвал бы не Куршуд-бек, а Куршуд-бей.

Слово «ашик» по-азербайджански значит «влюблённый». Но в то же время у этого слова есть и другой смысл: «певец», «поэт». А «кериб» означает «странник», «скиталец», «бедняк», «божий гость». Но кроме того это и собственное имя. На этой игре слов построен разговор Ашика со слепой матерью; он называет её своё имя — «Кериб», а она думает, что у неё просит почлега странник — «кериб». Вот это место:

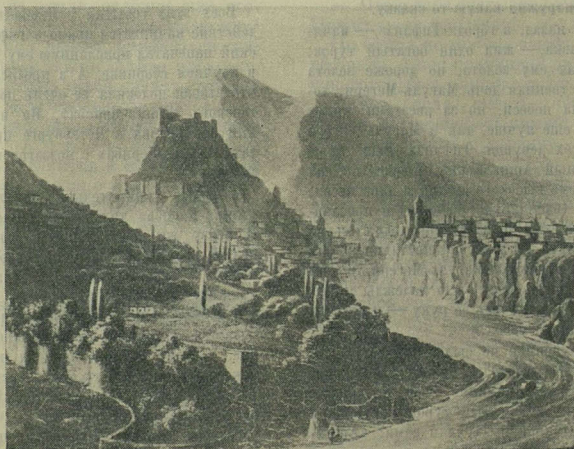
«Поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой, стучит он в двери дрожащей рукой, говорит: — Ана, ана (мать), отвори, я божий гость (т. е. я кериб) и холоден и голоден; прошу ради странствующего твоего сына (т. е. Кериба) впусти меня».

Итак, стало ясно, что Лермонтов слышал азербайджанскую сказку. Но какую? Ведь в сказке, записанной учителем Махмудбековым в окрестностях Шемахи, совсем другое начало! А кроме того не совпадают с лермонтовской сказкой имена действующих лиц. У Лермонтова невесту Ашик-Кериба зовут Магуль-Мегери. В сказке, записанной в Шемахинском районе, её зовут Шах-Санам. У Лермонтова соперника Ашик-Кериба зовут Куршуд-бек. В шемахинской сказке его зовут Шах-Велед. Имя отца в лермонтовской сказке Аяк-ага. В шемахинской сказке куца зовут Бахрам-бек. Исследователям было понятно, что Лермонтов не выдумал эти имена, а просто ему эту сказку рассказывали по-другому.

Но вот недавно сотрудник Института литературы имени Низами в Баку, командированный в один из горных районов Азербайджана, услышал историю Ашик-Кериба и обратил внимание, что рассказчик называет невесту не Шах-Санам, а Магу-Мехр. Похоже на Магуль-Мегери! Значит, какие-то другие сказочники могли называть невесту ашика именем Магуль-Мегери!

Приключения Ашик-Кериба, как уже сказано, очень любят все народы Закавказья. Про него рассказывают и в Грузии и в Армении, а не только в Азербайджане. И однажды собирательница народных сказок Русудана Орбели услышала в одном из районов Армении, как 85-летний ашуг Адам Суджиян пел и рассказывал о странствиях Ашик-Кериба. И называл при этом невесту ашика... Магуль-Меери! Совсем, как у Лермонтова. Совпали и другие важные подробности. Но в остальном сказка оказалась во всё более похожей на ту, которую исполнял когда-то ашик Орудж в Шемахинском районе Азербайджана.

Студент Грузинского государственного университета в Тбилиси Давид Звиадзе не знал об этих наблюдениях армянских и азербайджанских товарищей и поехал на летнюю практику записывать народные песни и сказания, не подозревая, что результаты практики окажутся важными для исследователей творчества Лермонтова. В селении Талиси, Ахалцихского района, Грузинской ССР, колхозник Аслан Влиадзе рассказал ему про чудесные приключения Ашуг-Кариба. Рассказывал старик по-грузински, но сказку назвал азербайджанской. Студент записал её...



Тифлис. Картина Лермонтова.

Сравнили недавно эту запись с лермонтовским «Ашик-Керибом»... И что же вы думаете? Полное совпадение! Начинается так же, как и у Лермонтова, прямо в Тбилиси. Кончается почти теми же словами. Совпадают почти все приключения Кериба и отдельные подробности. Только имена не совпали: невесту зовут Шах-Санам, соперника — Шах-Ведед. Опять, как и в шемахинской сказке. Но теперь всё-таки стало уже окончательно ясным, что Лермонтов слышал какой-то очень похожий вариант народной сказки и очень бережно записал его. А без Лермонтова он так бы и остался незаписанным! Об этом нельзя без волнения думать. История о том, как была записана эта сказка, добавляет ещё один чудесный штрих к благородному облику нашего Лермонтова. Какое в этом сказалося глубокое уважение его к другим народам, населявшим тогдашнюю Российскую империю, какой серьёзный интерес к их культуре, к их поэзии, к языку! И какое большое удовлетворение и гордость испытываешь при мысли, что Лермонтов первый записал народную азербайджанскую сказку, опередив всех на целых полстолетия!

В этой народной сказке Лермонтова, конечно, пленил прежде всего образ Ашик-Кериба. Независимый, смелый, свободный поэт, как гордо ответил он слугам свирепого паши!

«— Иди с нами к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою!

— Я человек вольный, странник из города Тифлиза, — говорит Ашик-Кериб, — хочу — поиду, хочу — нет; пою, когда придётся, и ваш паша мне не начальник!»

Пленила Лермонтова сила любви прекрасной Магуль-Мегери, её верность Ашику. Для такой любви ничоём испытания, такая любовь способна победить все препятствия: и расстояние и время.

И действительно, когда родилась эта народная сказка? В глубокой древности. А до сих пор покориет она нас силой чувства. И любят её не только в Азербайджане. Благодаря Лермонтову её знают и любят во всём Советском Союзе. Она известна у нас каждому школьнику.

С успехом идёт «Ашик-Кериб» и на сцене. По народной сказке написана опера выдающегося азербайджанского композитора Узеира Гаджибекова. На сюжет этой же сказки написал оперу



Лезгинка. Рисунок Лермонтова.

«Шах-Сенем» один из старейших советских композиторов, Рейнгольд Морיצович Глиэр, который живёт в Москве. Есть и балет «Ашик-Кериб» по сказке Лермонтова. Музыка для него сочинил известный советский композитор Асафьев. Любовь Ашик-Кериба и Магуль-Мегери победила и время и расстояние.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Кто же рассказал Лермонтову эту народную сказку? Со слов ашика — бродячего певца — Лермонтов записать её не мог. Ашики в ту пору не знали русского языка, а Лермонтов, хотя и занимался азербайджанским языком, но знал его недостаточно.

Ясно, что про Ашик-Кериба ему рассказывал азербайджанец, хорошо говоривший по-русски. В этом нет никакого сомнения. Перевести на другой язык целую сказку не так-то просто.

И где её мог услышать поэт? В Шемахе? Вспомним, что учитель Махмудбеков записал тогда сказку как раз в окрестностях Шемахи. Но нет! Лермонтовская сказка оказалась гораздо больше похожей на ту, которую рассказывают в Грузии. А некоторые подробности совпадают с армянской сказкой и никогда ещё не встречались в сказках, записанных в Азербайджане.

У Лермонтова, если помните, сказано про чудесного всадника, за спиной которого несётся Ашик-Кериб, что это был Хидрилиз, или святой Георгий. Пророк Хидрилиз и Георгий Победоносец считаются за одно лицо только в грузинской и армянской народной поэзии. И вот в сказке,

записанной студентом Тбилисского университета в Ахалцихском районе, как раз имеется та же самая удивительная подробность. Про чудесного всадника сказано, что это был не кто иной, как святой Георгий, он же Хидриляз.

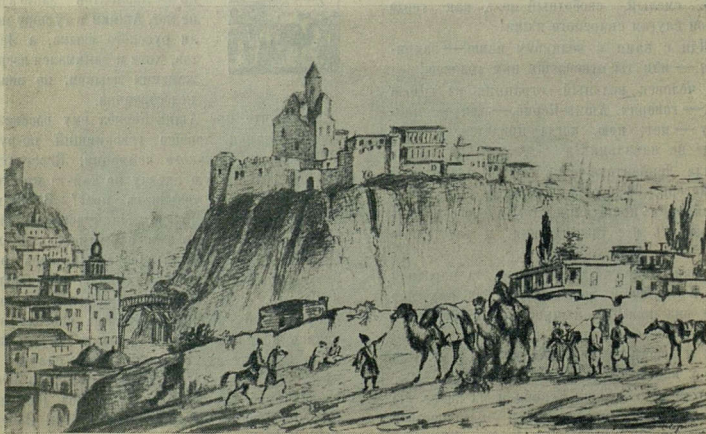
Поэтому надо считать, что Лермонтов услышал сказку не в Шемахе, а там, где с давних пор живут и грузины, и армяне, и азербайджанцы и где языки их пользуются одинаковыми правами. Таким местом были всегда восточные кварталы Тбилиси.

Лермонтов хорошо знал эту часть города. Сохранились его рисунки, на которых изображены сцены тифлисской жизни и базарная площадь в Старом городе, так называемый Татарский майдан.

В этой восточной части Тбилиси в те времена целый день двигалась густая толпа. Здесь прямо под открытым небом чеканили серебро, жарили шашлык, ковали лошадей, брили головы, шили сапоги и бурки, продавали разноцветные шелка и дорогие персидские ковры, опиливали пистолеты, играли в нарды. С утра до ночи раздавался здесь грохот молотов, дыханье кузнечных мехов, стук игральных костей, крики погонщиков, песни ашугов, клейкий писк зурны, рокочущий, весёлый грохот барабана, выбивающего такт картули — лезгинки. И всё это тонуло, пропадало, растворялось в общем гомоне, в шумном кипении толпы, в смесении слов грузинских, армянских, азербайджанских, русских с турецкими и персидскими словами. Прямо на земле и на прилавках лежали горы сладкого винограда, розо-

вая редиска, янтарные початки кукурузы, рыжие помидоры, белели круги овечьих сыров. Чад жаровен смешивался с запахом кожи, свежей рыбы, пряных трав; из винных погребков тянуло терпкой прохладой. Бегут ослы с перекидными корзинами; изнемогая от непосильной тяжести, блестящий от пота, в одних лохмотьях, носящийся тащит на спине кованый железом сундук. За ним поспешает кучек с огненной бородой и крашеными ногтями, в чалме, в халате, в маленьких зелёных туфлях. Вот, грубо оттолкнув ремесленника-азербайджанца, он почтительно уступает дорогу русскому чиновнику в казённом вицмундире, смерил взглядом стройную девушку, укутанную до самых глаз белой чадрой; девушку провожает бичо — слуга-мальчуган. Навстречу идёт денщик за модно одетой дамой; черноусый шёголь в черкеске сторонится, чтобы пропустить дрожки, и испуганные кони, косясь, объезжают верблюда. Едет арба, запряжённая четвёркой волов, покрытая полосатым ковром, под которым уместилось большое семейство, и дети таращат глаза на кивер драгуна.

С базара можно было подняться по выющимся переулочкам к развалинам старинной крепости Нарикала, пройти по тёмным переходам, по изломанным закоулкам, пересечь площадь величюю с небольшою комнату, и чем выше в гору, тем шире раздвигались зубчатые края образованной горами чаши, в которой лежит город, и становился виден весь «многобалконный Тбилиси», с длинными открытыми галереями вторых этажей, с их кружевными решётками, с крохот-



Базарная площадь в Старом Тифлисе. Вид на замок Метехи. Рисунок Лермонтова.

ными двориками, с плоскими кровлями, сбегавшими, подобно ступеням лестницы, к зелёным стремительным водам Куры. Внизу, под горой, где находятся знаменитые тбилисские бани и дымятся горячие серные ключи, вытекающие из расщелин горы, женщины полоскали яркие тряпки; старухи, стоя на плоских кровлях, вели громкий разговор через улицу. За баями простирались тенистые Сеид-Абадские сады.

Здесь, возле Сеид-Абадских садов, и жил человек, который рассказал Лермонтову народную сказку про Ашик-Кероба.

Это был замечательный азербайджанский поэт, драматург, публицист Мирза Фатали Ахундов, или, как его звали ещё, Мирза Фет-Али Ахундов, в ту пору ещё совсем молодой человек, только начинавший свою литературную деятельность. Он служил в Тбилиси переводчиком с восточных языков при канцелярии главноуправляющего Грузией. Высокообразованный человек, Ахундов, кроме азербайджанского и русского языков, знал в совершенстве персидский, турецкий и арабский.

Когда в 1837 году до Тбилиси дошла весть о трагической гибели Пушкина, Ахундов написал большую поэму о великом русском поэте и выразил в ней глубокую скорбь всех передовых людей Кавказа.

Известный писатель декабрист Бестужев-Марлинский, сосланный на Кавказ, незадолго до Лермонтова тоже побывал в Тбилиси. Он познакомился тогда с Мирзой Фатали Ахундовым, подружился с ним и начал брать у него уроки азербайджанского языка. Об этом сохранились достоверные сведения.

Но откуда известно, что и Лермонтов занимался с Ахундовым, что и он был знаком с азербайджанским поэтом?

А вот откуда.

В лермонтовских бумагах сохранился листок. На этом листке сокращённо записаны имена нескольких человек, с которыми поэт встречался в Тифлисе. В их числе без фамилии упомянут «учёный татарин Али». Татарами тогда называли на Кавказе азербайджанцев. Значит, Лермонтов знал учёного азербайджанца Али. Учёных азербайджанцев в ту пору было немного. В Тбилиси учёных азербайджанцев было ещё меньше.



Мирза Фатали Ахундов.

Ещё меньше было в Тбилиси учёных азербайджанцев, которых звали Али. Но кроме того мы знаем, что Лермонтов брал в Тбилиси уроки азербайджанского языка, что учитель его был высокообразованный азербайджанец, хорошо говоривший по-русски, и что среди тбилисских знакомых Лермонтова был учёный азербайджанец Али. А в то время население Тифлиса составляло всего 25 тысяч человек; он был не больше нынешнего районного центра. Мог ли при этом Лермонтов, сосланный за стихи на смерть Пушкина, не встретиться в этом городе с замечательным азербайджанским поэтом, откликнувшимся на это же событие вдохновенными стихами? В городе, где всякого заметного человека знал в лицо каждый житель?

Мы считаем, что это знакомство произошло. Что великий русский поэт Лермонтов и великий азербайджанец Ахундов протянули друг другу руки и положили начало дружбе и культурной связи двух народов. И что памятником этой встрече является замечательная сказка азербайджанского народа про странствующего невада Ашик-Кероба и про верность, которая способна пройти через все испытания.



НЕПОСЛУШНЫЙ КОЗЛЁНОК

Весной паслись на пастбище козёл и маленький козлёнок. Они всюду ходили вместе, и старый козёл заботливо выбирал для козлёнка места с нежной, весенней травкой — баранье ушко, которая белела первыми цветами и казалась пятнами снега на жёлтой ещё степи.

Когда они выщипали всю травку, старый козёл сказал козлёнку:

— Ты побудь здесь, а я пойду поищу хороших пастбищ. Вот тебе бубенчик. Если с тобой приключится беда, звони в него. — С этими словами козёл повесил ему на шею бубенчик, такой, какой подвешивают коровам, — медный, круглый, с прорезью и узором, — попрощался с козлёнком и ушёл.

Не успел он отойти далеко, как услышал звон бубенчика. Козёл испугался, что на козлёнка напали волки, и быстро побежал на выручку. Прибежал и видит: никаких волков нет.

— Что с тобой? — испуганно спросил козёл. — Почему ты звал на помощь?

— Муха села на ногу. Сгони её, — отвечал козлёнок.

Побранил козёл своего друга и ушёл.

— Не звони без нужды! — сказал он ему на прощанье.

Но не успел он скрыться в ближней пади, как опять раздался звон бубенчи-

ка, и козёл побежал обратно. Прибежал, а козлёнок стоит и глаз зажмурил.

— Что с тобой? — спрашивает его козёл.

— Соринка в глаз попала, — отвечает козлёнок, — вынь её!

Внуил козёл соринку и говорит:

— Ну, я ухожу, а ты не звони по пустякам.

Однако едва он скрылся за ближним холмом, как опять услышал звон бубенчика.

«Идти или не идти?» — подумал козёл, но всё-таки не выдержал и побежал на помощь другу. Прибегает, а козлёнок преспокойно стоит, прошлогоднюю травку пощипывает.

— В чём дело? — спросил козёл. — Неужели ты опять по пустякам звонил?

— Сухая трава пристала к боку, стряхни её, — отвечает козлёнок.

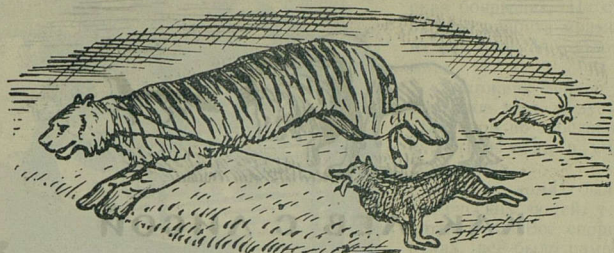
Рассердился козёл.

— И сам отряхнётся! — говорит. — Не смей меня больше разными глупостями тревожить. — И ушёл.

Долго, долго бродил он за горой, выбирая пастбище. Устал и прилёг отдохнуть. Только стал глаза закрывать, бубенчик зазвонил быстро, тревожно. «Наверно, это он опять по пустякам звонит», — подумал сонный козёл и закрыл глаза.

Когда же, отдохнувши, он вернулся к своему другу, то нашёл только кости, обглоданные волками.

— Эх, погубил ты сам себя, дружок! — горько вздохнул козёл, подкинув рогами лежащий на траве бубенчик.



САБЛЕРОГИЙ СЕНГЕ-БАТОР

Один козёл отстал в степи от стада и попался на глаза тигру. Тигр никогда не видал козлов. Странное животное с загнутыми рогами и длинной бородой удивило его.

— Кто вы такой и как вас зовут? — вежливо спросил он козла.

Бедный козёл перепугался огромных клыков тигра, но делать было нечего, принял он грозный вид и решил спастись хитростью:

— Меня зовут Саблерогий Сенге-батор, — гордо ответил он.

Услышав, что он имеет дело с батором, с богатырём, тигр спросил с ещё большим почтением:

— Позвольте спросить, а что это висит у вас под подбородком?

А у козла была великолепная серая борода.

— Это тряпка, чтобы рот вытирать, когда я тебя съём! — дерзко ответил козёл, увидавший, что тигра обмануть нетрудно.

И, правда, тигр, услышав такой ответ, бросился прочь от страшного богатыря. Он бежал что есть мочи и наткнулся на старого, опытного волка.

— Куда вы так спешите, дядюшка? — спросил волк.

— Ах, — ответил тигр, — я встретил страшного Сенге-батора, на голове у него

острые рога-сабли, а под подбородком тряпка вытирать рот после еды. Он чуть-чуть не загрыз меня!

Старый волк сразу смекнул, в чём дело, потому что часто закусывал такими богатырями, и сказал тигру:

— Успокойтесь, дядюшка, я с этим богатырём живо сумею справиться. Только покажите мне его.

Для большей безопасности тигр связал себя верёвкой с волком, и они пошли.

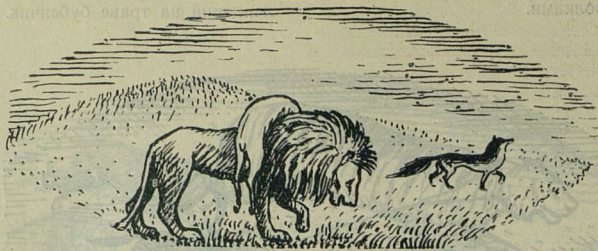
Козёл издали увидел своего старого врага и обманутого тигра. Поджилки у него затряслись от страха, но отступить было некуда. К счастью, он заметил, что волк связан с тигром верёвкой, и ему пришла в голову счастливая мысль. Когда волк и тигр приблизились, козёл закричал страшным голосом:

— Ты что же, братец, мне только одного тигра приволок? Мне этого на обед мало!

Тигр перепугался и побежал что есть сил от козла. А так как он был связан верёвкой с волком, то и его потянул за собою. Волк не мог поспеть за тигром, верёвка стянула ему горло, и он стал задыхаться. Тигр обернулся, увидел, что волк, задыхаясь, оскалил зубы, и сказал ему:

— Нечего зубы скалить, тебе смех, а мне горе! — и потащил волка дальше.

А умный козёл разыскал своё стадо и больше никогда уже не отставал от него.



КАК ЛЕВ С ЛИСОЙ ДОБЫЧУ НЕСЛИ

Давным-давно жили лев и лиса. Были они добрыми друзьями, всю добычу делили пополам, и глуповатый лев души не чаял в своём хитром друге. Однажды на охоте они загрызли коосулю. До дому было далеко, солнце палило нещадно, льву стало жарко, и он сказал лисе:

— Снеси-ка, лисонька, эту добычу ты сама!

Лиса подумала и ответила:

— Охотно! Только при такой тяжёлой ноше нельзя не задыхаться, а два дела делать я не могу — или нести или задыхаться!

— А как это задыхаться? — спросил лев и полной грудью втянул воздух в свои могучие лёгкие. Он-то уж никогда не задыхался.

— А вот так! — сказала лиса и задыхалась часто и неровно.

— Ну, давай теперь я попробую, — сказал лев и во всю ширь раскрыл пасть. От мощного дыхания льва лиса еле устояла на ногах.

— Так я задыхаюсь? — спросил лев.

— Нет, — ответила лиса. — Вот как надо задыхаться... — И она опять задыхалась часто и неровно.

Лев втянул воздух и выдохнул с такой силой, что лису отбросило на несколько шагов.

— А теперь я правильно задыхаюсь? — спросил лев опять.

— О, нет, — сказала плутовка, — задыхаться очень трудно, это — большое искусство... Смотри, что я делаю... — И опять она стала дышать часто и неровно.

Попробовал дышать так и лев, но очень скоро устал.

— Нет, видно, мне сразу не выучиться этому искусству, — сказал он наконец. — Лучше уж я понесу добычу, а ты иди рядом и задыхайся, у тебя это так хорошо выходит. — С этими словами лев взвалил себе на спину коосулю, а лиса побежала рядом.

— Ну, как, не тяжело тебе, лисонька, задыхаться? — спросил бедный лев, который от жары ничего уже не видел и не слышал.

— Тяжело, да что же поделаешь? Надо помогать друг другу: тебе нести, а мне задыхаться, — ответила плутовка, продолжая бежать налегке.

Записала и обработала В. Клюева



Б О Г А Т Ы Р Ь РУССКОЙ Ж И В О П И С И

От большой, широкой, залитой асфальтом Самотёчной площади Троицкая улица круто поднимается вверх. Идя по тихому Троицкому переулку, замощённому булыжником и заросшему деревьями, прохожий невольно остановится перед небольшим белым домом.

Кажется, что этот дом с башней стоит здесь очень давно, может быть, несколько веков, что вы попали в уголок старой Москвы. Старые и тёмные брёвна деревянной башенки вырастают над белым оштукатуренным основанием так же неожиданно, как трава, пробивающаяся здесь мостовую. Домик напоминает теремок, и кажется,

сейчас выглянет из него русская боярышня или царевна...

Но дом этот построен не так давно, и жила в нём не московская боярышня. На стене между окнами прибита мраморная доска, на ней написано золотыми буквами:

«Художник Виктор Михайлович Васнецов жил в этом доме, построенном по собственному рисунку, с 1894 года и умер в нём в 1926 году».

Хозяин дома был одним из тех русских людей, у которых золотые руки. Всё спорилось в этих руках, всё было самобытно и талантливо. По его проектам возводились жилые дома и общественные здания, по его рисунку построена Третьяковская галерея. По его эскизам создавались театральные постановки, писались декорации.

Человек неистощимой выдумки, он строил и невиданные, сказочные сооружения. До сих пор стоит в Абрамцевском лесу под Москвой «избушка на курьих ножках», правда, бабы-Яги там нет, и путник может найти в ней приют, никого не опасаясь.

Вы входите в дом на Троицком переулке и понимаете, как прекрасны могут быть дома из дерева. Вы любуетесь разрисованными печами, резными шкафами. Васнецов изучал древнее русское зодчество, старинные памятники русской культуры и следовал в своих работах традициям народного искусства.

По узкой витой лестнице вы подымаетесь наверх и попадаете в большую высокую и светлую комнату. Это мастерская художника. Здесь Васнецов работал тридцать два года, здесь и сейчас висят его работы... Вот летит баба-Яга... Вот царевна Несмеяна задумчиво сидит и будто видит какой-то неведомый мир, она тоскует по этому миру, по своей мечте. Карлики и уроды, шуты и балагуры тщетно стараются её рассмешить.

Виктор Михайлович Васнецов родился в 1848 году в Вятской губернии. Раннее детство своё он провёл в деревне. Он с детства любил рисовать, и впоследствии

живопись стала делом его жизни. Учился он в Вятке, в духовном училище, а потом в духовной семинарии. Идеи передовых русских писателей Белинского, Добролюбова, Чернышевского проникли даже за ограду этого мрачного учебного заведения, где готовили будущих священников. Молодой Васнецов бросил семинарию и уехал в Петербург, чтобы поступить в Академию художеств. Он продал свои первые картины «Жница» и «Молочница» и на вырученные 60 рублей отправился в путь. Учас в Академии, Васнецов должен был неустанно работать для заработка. Он делал рисунки для азбук, рисовал карты, давал уроки рисования.

Имя Васнецова довольно быстро стало известным. Крупнейшие художники и критики говорили о незаурядности его таланта. Он рисовал тогда бытовые картины. Любя бедных людей, «как своих близких друзей», и будучи сам бедняком, Васнецов умел выразительно показать горе и нищету народа. Это были очень хорошие картины. Но они не удовлетворяли художника. Они не раскрывали всего, что хотелось показать Васнецову, не давали «цельный облик народа».

Васнецов упорно искал свой путь в искусстве. Один из ранних своих рисунков Васнецов назвал «Витязь на распутье». Долгое время сам художник был таким «витязем на распутье».

Но вот художник переехал из Петербурга в Москву. Здесь, изучая памятники героической истории русского народа, Васнецов лучше узнал и сильнее полюбил великое прошлое своей родины. И он нашёл свой путь, он стал певцом героического прошлого России.

Вдохновлённый поэзией замечательного древнего сказания «Слово о полку Игореве», Васнецов написал картину «После битвы». Она принесла ему славу. В этой картине Васнецов воспел доблесть русских воинов, положивших жизнь за родину.

Одна из лучших картин Васнецова, «Богатыри», над которой художник работал почти четверть века, оживляет перед нами величественные образы героев русских былин. Илья Муромец, Алёша Попович, Добрыня Никитич — трое могучих витязей — стоят на богатырской заставе, готовые сразиться с любым врагом, посягнувшим на границы Руси. Величие, храбрость, любовь русского народа к родной земле выражены в этой картине с поразительной силой.

Картина произвела на современников огромное впечатление. Её сравнивали с картиной И. Е. Репина «Бурлаки». Вот что писал тогда известный русский критик В. Стасов:

«И тут и там вся сила и могучая мощь русского народа. Только эта сила там — угнетенная и еще затоптанная, обращен-



Царевна-лягушка.

В. Васнецов.



ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ.

В. Васнецов.



ТРИ БОГАТЫРЯ.

В. Васнецов.



ИВАН ЦАРЕВИЧ НА СЕРОМ ВОЛКЕ.

В. Васнецов.

ная на службу скотинную или машинную, а здесь сила торжествующая, спокойная и важная, никого не боящаяся и выполняющая сама, по собственной воле, то, что ей нравится, что ей представляется потребным для всех, для народа».

Васнецов воссоздал в своих картинах богатый мир русских народных сказок. В сказках — вековая мудрость народа, в сказках — любимые герои народа. Кто не помнит Ивана-царевича на сером волке? И у каждого, кто знает эту сказку, всегда возникает в памяти картина Васнецова. А сколько поэзии в его печальной «Алёнушке»!

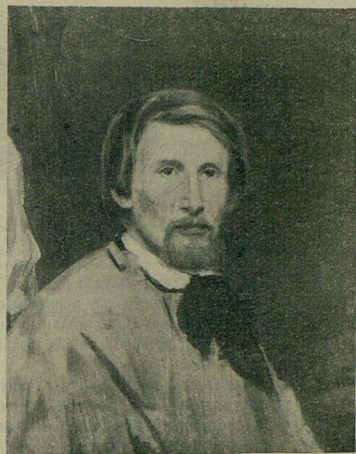
Какая удаля чувствуется в танце его «Царевны-лягушки»!

С любовью передаёт Васнецов старинный русский быт. Костюмы, вышивки на платье, резьба на наличниках окон, посуда, гусли, нарисованные на его картинах, передают нам характер народной культуры. И на какую бы картину Васнецова мы ни поглядели, о каждой из них можно сказать словами Пушкина: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

«Я всегда был убежден, — писал Васнецов, — что... в сказке, песне, былинке... сказывается весь цельный облик народа, внутренний и внешний, с прошлым и настоящим, может быть, и будущим. Только большой и плохой человек не помнит и не ценит своего детства, юности. Плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своей истории».

Виктор Михайлович Васнецов был неутомимым тружеником, он не мог жить без работы. Его спальня помещалась рядом с мастерской. Во время последней болезни Васнецова врач приказал перенести его вниз. Но Виктор Михайлович, которому тогда было уже 78 лет, не мог проспать и одной ночи на новом месте; он потребовал, чтобы его снова перенесли наверх. Там он и умер, рядом со своими картинами, рядом со своей мастерской.

И теперь ещё в мастерской висит незавершенная картина «Ковёр-самолёт». Иван-царевич летит на ковре-самолёте вместе с царевной. Полоса оранжевого солнечного



В. Васнецов.

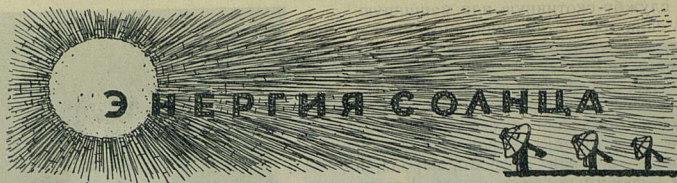
Автопортрет.

заката пронизывает всю картину и делает её сказочной, фантастической. Эта картина — свидетельство большой требовательности художника к себе. В первый раз картину «Ковёр-самолёт» он написал в восьмидесятых годах. Но, видимо, чем-то он остался недоволен. И через сорок лет художник вновь вернулся к любимому сюжету, чтобы разрешить его по-новому.

Это трудолюбие, требовательность к себе, огромная любовь к своему народу, к искусству сделали Васнецова «богатырем русской живописи», как любовно назвал его Алексей Максимович Горький, сделали выразителем подлинного характера русского народа.

Дом художника Васнецова скоро будет музеем, московские школьники и ребята, приезжающие в Москву со всех концов Советского Союза, смогут посетить этот теремок, где родилось столько картин-сказок.

И. Халтурин



А. Мерзоз

Однажды при сооружении моста через одну из наших больших рек строителям понадобилось передвинуть на полтора метра две стальные фермы моста, каждая из которых весила больше тысячи пятисот тонн.

Инженеры задумались над тем, как сдвинуть с места такую машину. Эта работа под силу только мощным подъёмным машинам, она отнимает много времени и рабочих рук.

И вдруг один инженер заявил:

— Дайте мне в помощь только одного рабочего, и через пять дней всё будет сделано.

И в самом деле, в назначенный срок стальные фермы оказались на своём месте.

Как же удалось перетащить их?

Всем известно, что металлы, нагреваясь, расширяются. Это свойство и использовал инженер. Рано утром, до восхода солнца, были вбиты в землю с одной стороны моста, вплотную к нему, крепкие стальные клинья. Когда взошло солнце, балки моста нагрелись, удлинились, но клинья,

вбитые в землю, не позволяли им расширяться в обе стороны, и ферма моста, упираясь в крепкую стальную ограду из клиньев, немного сдвигалась в противоположную сторону. Ночью сталь охлаждалась, сжималась, между клиньями и балками получался зазор, мост как бы отодвигался от клиньев. Рабочий вынимал клинья, вбивал их снова вплотную к балкам, и днём мост снова сам переползал в нужном направлении. Так солнце помогло передвинуть громоздкое стальное сооружение. За пять дней оно проделало путь в один метр и двадцать сантиметров.

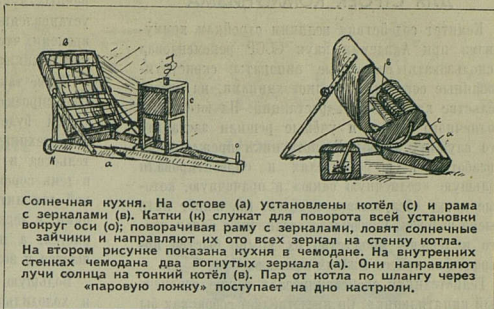
Я рассказал вам об этом случае, чтобы показать, какие громадные запасы энергии рассеиваются солнцем по всей нашей планете. Солнце приносит свет и тепло, без которых жизнь на земле была бы невозможна. Запасы солнечной энергии огромны. Если бы весь земной шар был покрыт слоем льда толщиной в сорок метров, то солнечное тепло растопило бы за год эту ледяную гору. Трудно представить себе, какую пользу принесла бы солнечная энергия, если бы люди научились её улавливать. Подсчитано, что солнечное тепло, которое получает только одна десятая часть нашей огромной страны, могло бы заменить энергию тридцати тысяч электростанций такой мощности, как Днепрогэс.

Вы, наверно, все слышали о фотоэлементах, в которых под влиянием света образуется электрический ток. Правда, этот ток очень слаб, и сейчас фотоэлементы употребляются только в звуковом кино и для различных измерений. Они немогут, например, фотоаппаратам определять выдержку при съёмке, они могут управлять включением и выключением электрического освещения в городе. В сумерки, когда солнечный свет ослабевает, ток в фотоэлементе уменьшается, и аппарат, связанный с фотоэлементом, включает лампы на улице. Утром под влиянием яркого света в фотоэлементе снова возникает электрический ток, и лампы на улице автоматически выключаются. Так фотоэлемент бережёт электрическую энергию, следит, чтобы лампы не горели напрасно ни одной минуты.



Солнечный водонагреватель. Водонагреватель в один квадратный метр может дать за день до семидесяти литров кипятка. Даже маленький водонагреватель или, как его называют, «солнечный самовар», в Ленинграде летом в солнечную погоду давал пять стаканов кипятка за сорок минут. Устроить такой «солнечный самовар» совсем не сложно.

Фотоэлементы используют совсем ничтожную часть энергии солнечных лучей. Но представьте себе, что учёным удалось бы усовершенствовать эти фотоэлементы, превратить огромные крыши московских домов в мощные приборы, превращающие в электричество энергию солнечных лучей, падающих на них. Если бы такие фотоэлементы использовали всего только три процента энергии, которую посылает солнце на их поверхность, то тогда москвичи были бы полностью обеспечены солнечной электрической энергией.



Солнечная кухня. На остове (а) установлены котёл (с) и рама с зеркалами (в). Катки (д) служат для поворота всей установки вокруг оси (е); поворачивая раму с зеркалами, ловят солнечные зайчики и направляют их ото всех зеркал на стенку котла. На втором рисунке показана кухня в чемодане. На внутренних стенках чемодана два согнутых зеркала (а). Они направляют лучи солнца на тонкий котёл (в). Пар от котла по шлангу через «паровую ложку» поступает на дно кастрюли.

СОЛНЕЧНОЕ ТЕПЛО В ЗАПАДНЕ

Вы, наверно, все видели теплицу со стеклянной крышей или парник, прикрытый стеклом. Это и есть «западня» для солнечных лучей. Они легко проходят через стекло и нагревают в теплице землю, стены и пол, которые, в свою очередь, начинают излучать тепло. Но для этого тепла стекла — непроницаемая преграда. Оно не выпускает тепло наружу. Поэтому в парнике жарко даже ранней весной.

Точно так же устроены и другие солнечные ловушки — «горячие ящики», — в которых можно получить более высокую температуру — в пятьдесят — шестьдесят градусов.

Возьмите плоский деревянный ящик, положите на дно его лист железа, покрашенного чёрной краской, накройте обыкновенным оконным стеклом — и «горячий ящик» готов. Конечно, ящик не должен иметь щелей, его нужно обить материалом, плохо проводящим тепло. Если выполнить эти несложные требования, то даже под Москвой, где лето не особенно жаркое, в «горячем ящике» можно получить температуру более пятидесяти двух — пятидесяти трёх градусов.

Такой самый простой «горячий ящик» может принести немало пользы своему владельцу. В нём можно сушить фрукты, овощи, изделия из глины и т. д. Но учёные-гелиотехники сконструировали более сложные и более удобные «солнечные сушилки». Нагретый воздух из «горячего ящика» по трубам подается в сушильную камеру, где на полках разложены виноград, зерно, табак. Обычно виноград превращается в изюм в течение восьми — шестнадцати дней, а в солнечной сушилке для этого требуются всего два — три дня. Алыча высыхает в сушилке за три дня, а на открытом воздухе — за восемь — десять.

В «горячем ящике» можно подогревать воду. Инженер Б. В. Петухов построил «солнечные

бани» для тех, кто живёт на юге, в местности, где мало топлива.

Главное в «солнечной бане» — тот же плоский ящик со стеклом, на дне которого уложены водопроводные трубы. Вода, протекая по этим трубам, нагревается и собирается в баке.

Советские инженеры Б. В. Петухов, Б. К. Бодашков и Л. М. Розенфельд заставили солнечное тепло превратиться в холод, из «горячего ящика» они сделали холодильник. Как же им удалось совершить такое превращение?

Попробуйте налить на ладонь несколько капель эфира или какой-нибудь другой легко испаряющейся жидкости, и вы сразу почувствуете, как охладится кожа на руке. Отчего это произошло? Потому, что для быстрого превращения жидкости в пар нужно затратить тепло. Это тепло жидкость отняла у вашей руки. Поглощение тепла при испарении жидкости использовали инженеры-гелиотехники для устройства солнечного холодильника. Они заставили дважды испаряться водный раствор аммиачных солей, которые при испарении поглощают много тепла. Так удалось в сорокаградусную жару понизить температуру охлаждающих батарей до минус трёх градусов. Холодильник этот, построенный в Туркмении, работал несколько лет.

Солнце помогает человеку превращать солёную воду в пресную, годную для питья. Солнечный опреснитель — это «горячий ящик», в котором испаряется солёная вода и оседает каплями, уже лишёнными соли, на внутренней поверхности стекла, прикрывающего «горячий ящик». Стекая по стеклу вниз (ящик установлен наклонно), капли отводятся в сосуд для опреснённой воды.

Такой солнечный опреснитель был установлен на острове Челекен в Каспийском море. Он превращал горько-солёную каспийскую воду в питьевую.

ДЛЯ СТРОЕК КОММУНИЗМА

Комитет содействия великим стройкам коммунизма при Академии наук СССР рекомендовал использовать солнечные аппараты, сконструированные советскими гелиотехниками, на строительстве каналов и гидростанций. На юге много солнечного тепла, и учёные решили заставить его служить людям. Гелиотехники прежде всего позаботились о строителях и спроектировали большую «солнечную баню» и прачечную, которые могут обслуживать посёлок, где живёт пять тысяч человек. Устройства «солнечных бань» просто и дёшево, множество их можно быстро построить на трассе южных каналов.

Гелиотехники сконструировали также «солнечный кипятыльник». Он представляет собою как бы походную кухню, которой может пользоваться небольшая группа строителей. Для устройства кухни конструкторы воспользовались зеркалами, собирающими солнечные лучи в пучок. Она состоит из зеркала и ящика, на который направляются отражённые зеркалом лучи. Пучок сол-

нечных лучей падает на чайник или кастрюлю, установленную в ящике. Надо совсем немного времени, чтобы приготовить обед в этой кастрюле или вскипятить воду в чайнике.

Кроме такого маленького кипятыльника-кухни, уже спроектирован и большой кипятыльник, который будет давать триста литров кипятка. Гелиотехники повезут с собою на трассу строительства и опреснители, которые будут давать в день сорок — пятьдесят литров воды, пригодной для питья. Они устроены, как и кипятыльники с зеркалом, но вода в них, закипев, испаряется, а потом охлаждается и снова превращается в воду, пригодную для питья.

Большую пользу смогут принести на стройках и холодильники, испытанные в Средней Азии несколько лет назад. Эти холодильники годятся не только для хранения продуктов, но и для того, чтобы охладить помещения и залы школ, клубов и театров.

Солнечные аппараты облегчат труд строителей и сэкономят миллионы тонн дров и угля.



СЕЙЧАС СЫГРАЕМ.

К Л Я К Е Ы



Коля в поле

Охотник и лиса



Охотник у норы дежурит третий час,
Мечтает: «Вот лиса покажется сейчас».
Увы! Нора давным-давно пуста,



Он по ботанике пятерку получил.
Он все цветы по книжке изучил.
Все их переписал, но потерял бумажку,
И в поле не узнал... ромашку.

Лиса давно скучает у куста,
Стоит и думает, прищурив хитрый глаз:
«Чудак! А для чего запасный лаз!»

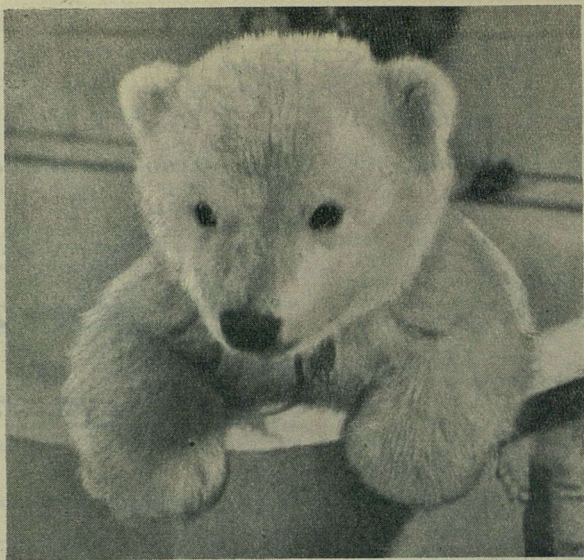
Добрый совет

(Тем, кому придётся сдавать осенние экзамены.)

Позанимался бы с утра,
Не помешала б и игра,
А то завидует, и мучится,
И не играет, и не учится.



Эти рисунки сделали московские школьники Лёва Зуенков, Лёня Кацнельсон и Володя Рыклин.



Ф О М К А

Уже давно у нас в стране запрещена охота на белого медведя. Убивать этого зверя можно только в том случае, если он сам нападёт на человека. Как раз такой случай произошёл недавно на острове Врангеля, где находится одна из наших отдалённых полярных станций.

Группа охотников отправилась проверять капканы, расставленные на песцов. В одной бухте охотники встретились с большой медведицей. Угрожающе рыча, она кинулась на них. Пришлось убить её, чтобы не пострадать самим.

Медведица была не одна. Тут же около убитой матери вертелся детёныш. Охотники взяли его с собой на зимовку.

На другой день на остров Врангеля опустился самолёт полярного лётчика Илья Павловича Мазурука.

Появление лётчика на зимовке — всегда большая радость, и зимовщикам приятно бывает сделать гостю какой-нибудь пода-

рок на память об Арктике. Вот охотники и решили подарить И. П. Мазуруку медвежонка.

Маленькому мишке было не больше полутора месяцев. Вёл он себя добродушно, и лётчик охотно взял его с собой на Большую Землю.

В пути Фомка, так назвал медвежонка И. П. Мазурук, чувствовал себя превосходно. Он с удовольствием поедал печенье и консервы, которыми угощал его экипаж самолёта, облезил все помещения самолёта, совал свой любопытный чёрный нос во все углы и закоулки. Найдя укромное местечко, Фомка немедленно засыпал. Спал он много, ведь он был ещё маленький...

И вот, проделав по воздуху огромный путь в семь тысяч километров, Фомка опустился на Московском аэродроме. Илья Павлович привёз его к себе домой. Малыша поместили в ванной комнате. Так как

за дорогу Фомка превратился из белого медвежонок в бурого, ему немедленно предоставили возможность выкупаться. В ванну налили холодной воды, и молодой путешественник начал с удовольствием плескаться. Скоро вода в ванне стала чёрной, зато Фомка вылез из неё белоснежным.

Досыта поев сырой рыбы и сгущённого молока, медвежонок улёгся и, слегка поворчав, крепко уснул.

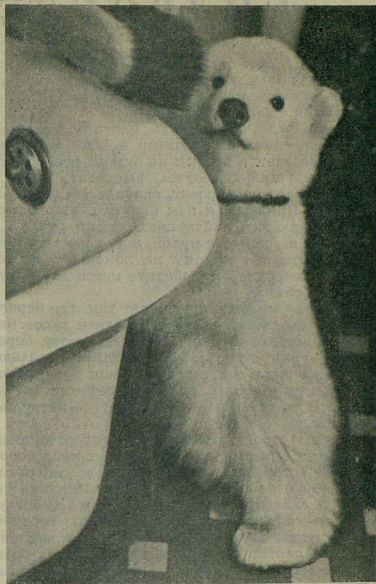
Проснувшись, Фомка принялся исследовать своё новое жильё. Особенно заинтересовала его стоявшая в ванной чёрная полудоя щётка. Вторым интересным открытием был волейбольный мяч. Медвежонок долго возился с ним. Когда Фомка начал слишком активно изучать окружающую обстановку, его сажали в пустую ванну, откуда он не мог выкарабкаться.

Вероятно, Фомке было жарко, и время от времени он принимался лизать прохладный белый кафель. Может быть, он думал, что это лёд?

Ребята из соседних квартир, прослышав о необычном госте, приходили смотреть на него.

Но малыш гостил у лётчика недолго.

Кинорежиссёр А. М. Згуриди, который сейчас снимает фильм о советском Севере, очень обрадовался, узнав, что в Москве находится такой ценный для его картины «актёр». Судьба Фомки была быстро решена: он уехал в киноэкспедицию сниматься.



Если он будет хорошо себя вести и добросовестно выполнять указания режиссёра, то мы с вами через некоторое время увидим его на экране.



ГИДРОУЗЕЛ НА РУЧЬЕ

На четвёртой странице обложки этого номера журнала художник нарисовал пионерский гидроузел. Его может построить в лагере любой отряд и даже звено.

Но прежде чем строить плотину, водохранилище, канал со шлюзами и ГЭС, вам придётся составить проект: на бумаге изобразить свой будущий гидроузел, вычертить план.

Чтобы создать проект, сначала делают изыскания. Придётся и вам начать с изысканий и прежде всего найти подходящий ручей.

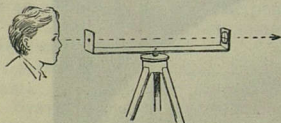
Когда вы найдёте ручей, когда узнаете, что ваш гидроузел никому не помешает, исследуйте этот ручей и выберите место для будущей стройки.

Для плотины лучшее место там, где берега поймы сходятся поближе. Найдите такое место. Измерьте ширину поймы, высоту берегов, глубину русла. Подсчитайте, сколько литров воды в секунду несёт ваш ручей. Для этого нужно знать площадь сечения русла и скорость течения — и то и другое нетрудно измерить.

Когда строят настоящую гидростанцию, особенно внимательно изучают горные породы, из которых сложены берега и дно реки. Это — дорогое и трудное дело. Приходится бурить скважины, на десятки и даже на сотни метров «заглядывать» вглубь, чтобы заранее рассчитать, не сдвинется ли земля под тяжестью плотины, не найдёт ли запертая вода обходных путей, не подмоют ли подземные воды основания сооружений.

Вам не придётся этого делать. Если ваша плотина простоят до осени, — хорошо. А до осени ваш гидроузел удержится почти на любом грунте.

Когда найдёте подходящее место для сооружения плотины, рассчитайте, на какую высоту вы сможете поднять воду. Для этого в районе будущего водохранилища поставьте обыкновенный фотографический штатив-треножник. Укрепите на его винте поворотную планку с визирным устройством, такую,



как нарисована на этом рисунке, установите визир в строго горизонтальном положении и поворачивайте вокруг вертикальной оси, следя за тем, чтобы линия визирования всё время «упиралась» в берега поймы. Постепенно поднимая прибор, вы найдёте предельную высоту подъёма воды.

Вот теперь, вооружившись необходимыми данными, вы можете составлять проект и приступать к работе. Разбейте участок, наметьте колышками очертания будущих работ и принимайтесь за дело.

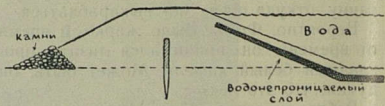
Начинать работы лучше всего с канала. Копать его придётся вручную, лопатами, начав с середины, чтобы вода не мешала работе.

О шлюзах пока не заботьтесь. Берега канала не обрабатывайте особенно тщательно — вода сама сделает это.

Когда прокопаете канал, соорудите временную плотину — перемычку. Её можно сделать из досок, из фанеры, из старых листов железа, подперев их сваями — колышками, вбитым в дно.

Перемычка должна стоять выше (по течению ручья) будущей плотины и ниже входа в канал, так, чтобы вся вода пошла по каналу.

Перемычка — временное сооружение. Служить ей придётся недолго, но служить она должна хорошо. Если всё-таки она будет пропускать немного воды, тогда выше места работы выкопайте колодцы для сбора этой воды и по мере пополнения их откачивайте воду насосом или ведрами.



Разрез земляной плотины.

Когда осушите район работ, принимайтесь за сооружение плотины.

Плотины на больших реках строят сейчас из самого дешёвого материала — из земли. Такие плотины надёжны, они не боятся значительных сдвигов и могут выдержать даже землетрясения. Делаются они очень просто, но объём работ при постройке такой плотины очень велик.

На рисунке показан разрез такой плотины. В середине её подошвы, от берега к берегу, в дно глубоко забиты шпунты — сваи, плотно соприкасающиеся друг с другом. На шпунты сверху насыпают (или намыивают землесосами) широкую земляную призму. Верхний (по течению) откос этой призмы делается пологим, низовой немного круче. Самый нижний край низового откоса делается из камня, для того чтобы защитить плотину от вредной работы воды, которая будет просачиваться через её толщу.

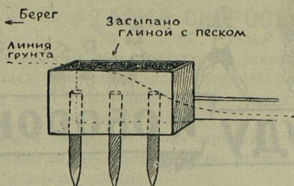
А верхний откос укрепляется «экраном» — слоем водонепроницаемой глины или другой породы, который затем засыпается и остаётся внутри плотины. Такой же непроницаемый слой — «понур» — укладывается перед плотинной на дно водохранилища.

На уровне воды верхний откос нужно укрепить камнем, иначе волны, даже самые маленькие, быстро разрушат его.

Такая плотина служит долго и чем дольше служит, тем надёжнее становится. На Урале есть земляные плотины, построенные во времена Ползунова и работающие до сих пор.

Но чтобы построить такую плотину на ручье, придётся перенести и уложить очень много грунта.

Поэтому проще сделать такую плотину, какая нарисована на обложке. Чтобы поста-



Вот как устроен ящик — устой плотины.

вить её, нужно заранее сбить два ящика, как показано на рисунке.

Для этих ящиков в берегах поймы выкопайте углубления и постарайтесь сделать так, чтобы щели между ящиками и грунтом были возможно меньше.

Чем дальше в берег, чем глубже в дно встанут ящики, тем надёжнее будет плотина. Щели между берегами, дном и ящиками как можно плотнее забейте глиной, а внутрь ящиков набейте глины с камнями. Можно укрепить ящики сваями, пробитыми насквозь, как показано на рисунке.

Между ящиками-устоями прокопайте узкую глубокую траншею. В траншею заложите широкую доску так, чтобы

концы её опирались на края устоев, потом забейте траншею глиной, плотно утрамбуйте её и, если плотина длинная, постройте быки для укрепления плотины в средней её части. Ниже (по течению) этой доски, до самого края её, наложите глины и прикройте эту глину другой, наклонно положенной доской, чтобы вода, которая будет проникать в щели

плотины, не подмыла её основание. Теперь остаётся нарезать досок такой длины, чтобы края их опирались на устой, и, разобрав перемычку, одну над другой ставить эти доски по мере подъёма воды. Эти доски можно не закреплять: вода сама удержит их.

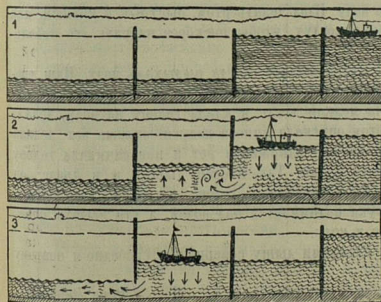


Схема шлюза.

Построив плотину, займитесь шлюзами. Схема шлюза показана на рисунке. Построить его нужно так же, как деревянную плотину: врезать в берега устои, в дно доску-подшву, а вместо створчатых дверей, которыми закрывают настоящие шлюзы, можно сделать простые дощечки по размеру шлюза.

Понятно, что шлюзы нужно делать, защищая место работы перемычкой. А можно и вовсе спустить воду из хранилища на время работы.

Теперь остаётся построить электростанцию. «Турбина», которая нарисована здесь, очень несовершенна. Но её просто сделать, и она всё-таки будет работать.

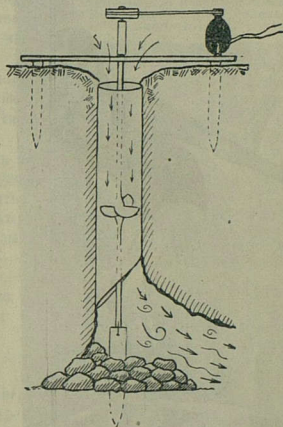


Схема самой простой самодельной турбины.

Для подвода воды к турбине придётся прорыть особый канал и построить вертикальную шахту-трубу.

В том месте, где встанет ротор турбины (а его можно ставить на любой высоте, мощность станции от этого не изменится), труба должна быть круглой и как можно ближе подходить по диаметру к ротору.

Сверху в шахту должна свободно вливаться вода. Приток её можно регулировать дверкой или заслонкой.

Снизу нужно обеспечить воде свободный выход.

Внутри шахты, которую нужно хорошенько укрепить, прямо в землю забейте кол с упорным подшипником. Это может быть просто гвоздь без шляпки, вбитый в вал турбины. В торце кола просверлите для гвоздя отверстие, а на гвоздь наденьте пару шайбочек.

Верхний подшипник укрепите, как показано на рисунке, насадите на вал шкив и ремнём соедините с динамомашинной. Размеры шкивов и мощность динамо зависят от размеров ручья и высоты плотины.

Во всяком случае, велосипедную динамку с успехом будет крутить любой, самый малый ручей.



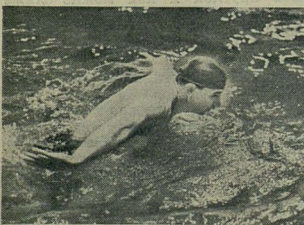
БУДЬ ГОТОВ

К ТРУДУ И ОБОРОНЕ

УЧИТЕСЬ ПЛАВАТЬ



Ученица 6-го класса 28-й минской школы Гая Простак поставила рекорды по Белорусской ССР в плавании стилем брасс на 100, 200, 400 и 500 метров.



Леонид Мешков проплывает стилем баттерфляй 100 метров за 1 минуту 5,1 секунды. Никто в мире не плавает баттерфляем быстрее.

Дорогие ребята! Плавать надо учиться с детства. Тогда вы станете настоящими хорошими пловцами. Я вам советую учиться плавать сразу спортивными способами — брассом, кролем, на боку. Обратитесь за помощью к взрослым опытным пловцам. Под руководством хорошего пловца, приглядевшись к его движениям, вы очень быстро научитесь плавать стильно.

Никогда не плавайте по одиночке. Это закон пловцов. Никогда не купайтесь в тех местах, где вы не знаете дна. Не плавайте подолгу. Это очень вредно. При долгом плавании организм переохлаждается, нарушается правильное кровообращение и движения становятся неверными. Человека не учится, а разучивается плавать.

Чтобы стать хорошим пловцом, не нужно всё время только плавать и плавать. Пловец должен быть выносливым, иметь крепкие мышцы, гибкие, подвижные суставы. Для этого ему нужно много бегать, прыгать, делать по утрам гимнастику, играть в разнообразные подвижные игры.

Я уверен, что если вы захотите, вы научитесь плавать, как научились этому юные спартаковцы, чьи письма мы сегодня печатаем.

Желаю успеха, ребята!

Леснид Мешков,
заслуженный мастер спорта, чемпион
СССР по плаванию, рекордсмен мира.

КАК ДЫШИТ ПЛОВЕЦ

Для того, чтобы держаться на воде и хорошо плавать, нужно прежде всего научиться правильно дышать. В воде тело должно лежать горизонтально, поэтому нельзя поднимать голову над водой. Выдыхать надо над самой водой, а выдыхать обязательно в воду. Вдох делать ртом, быстрый и полный, как бы «откусывая» воздух, чтобы поскорее набрать его побольше в лёгкие.

Сначала я захлёбывалась, когда выдыхала воду. Наш тренер Иван Алексеевич Сучков научил меня правильно дышать. Стоя на мелком месте, я клала голову на воду, делала вдох ртом, потом опускала лицо в воду и, открыв рот, делала в воду выдох, быстро закрывала рот и поворачивала голову вбок для нового вдоха. Так пловец дышит и в кроле: он вдыхает воздух, поворачивая голову влево, в тот момент, когда левая рука поднимается над водой, а для выдоха поворачивает лицо в воду.

Теперь я в плавании дышу совершенно свободно и поэтому не устаю.

Вера Иванова

ТАЙНА СКОРОСТИ

Мне очень нравится плавать на спине. Это совсем легко. Вначале мне не удавалось держать равновесие на воде, потому что я неправильно работала руками: не закончив один гребок, я уже начинала другой.

Потом я поняла, что пока одна рука делает гребок, другая должна лежать вытянутой над головой. Тогда тело лежит ровно и хорошо скользит.

А уметь скользить очень важно: если не научишься этому, то будешь плавать очень медленно, буксовать на месте.

Скользить нас учили так: мы приседали на мелком месте, руки протягивали вперёд по поверхности воды, делали вдох, и голову опускали между руками. Потом плавно отталкивались от дна и скользили по воде. Такое же упражнение мы делали и на спине.

Чтобы лучше скользить, нужно избегать резких движений. Наш тренер З. Ф. Макарова нам говорит: «Вода не любит грубого обращения. Плавать нужно плавно, недаром у этих слов даже корень один».

Я не сразу этому научилась. Я очень торопилась плыть и поэтому делала частые, быстрые гребки. Но теперь я уже умею делать плавные, мягкие движения, перестала частить: сделала гребок одной рукой, а с другим не тороплюсь, скользкую по воде. У меня появился «накат», или «наплыв», как называют это пловцы. Поэтому плавать теперь я стала быстрее.

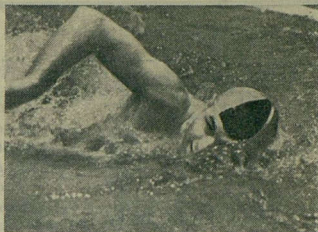
Лидя Куропаткина

ТОЧНОСТЬ ДВИЖЕНИЙ

Кроль — самый быстрый способ плавания. Наш тренер Т. А. Клембовская начала учить нас плавать сперва на берегу. Она показала нам движения рук и ног в кроле. С непривычки трудно заставить работать руки поочерёдно, так, чтобы одна шла вверх, а другая в это время опускалась вниз. Учить этому, мы делали, стоя на дне, широкие круги обеими руками. Это упражнение называется «мельница». У всех нас, когда мы поднимали одну руку, другая сначала тоже тянулась вверх. Потом мы научились правильно делать круги руками, и нам легче стало разучивать движения рук в кроле. Мы пробовали их делать сперва стоя на суше, а потом на мелком месте в бассейне. Когда я выучил движения рук и движения ног, я попробовал плыть. Но у меня сперва ничего не получалось. Ноги у меня сгибались и расходились в разные стороны, вместо того чтобы двигаться вверх-вниз. Я не мог уследить сразу и за руками и за ногами: ногами ведь надо перебирать часто, а руками делать редкие гребки. А у меня так не выходило. Я руками и ногами работал в такт. Пришлось мне разучить движения ног отдельно. Я плавал, держась за доску, и работал одними ногами. В конце концов я научился работать ногами.

Теперь я стараюсь как можно лучше отрабатывать каждое движение, смотрю на хороших пловцов и стараюсь им подражать. Я знаю, что чем правильнее движения, тем быстрее плывёшь и меньше устаёшь.

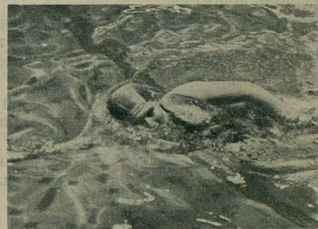
Серёжа Рачинский



Виталий Ушаков поставил всесоюзный рекорд в плавании стилем кроль. 100 метров он проплыл за 57 секунд.



Рекорд в плавании стилем брасс принадлежат молодой украинской спортсменке Марии Гавриш. 100 метров она прошла за 1 минуту 23,1 секунды.



Елена Горева проплывает на боку 100 метров за 1 минуту 20 секунд.



Айно Рентам поставила новый всесоюзный рекорд. Она проплыла на спине 100 метров за 1 минуту 17,6 секунды.



Теперь, ребята, вы все уже отдыхаете. Но где бы вы ни были — в поле, в лесу, на речке, — всюду, на каждом шагу вы будете встречаться с физическими явлениями. И если вы будете внимательны, вы узнаете много интересного, наблюдения помогут вам глубже усвоить то, что вы читали в школьных учебниках. Здесь мы даём рассказ-загадку. Попробуйте ответить на вопросы, которые поставлены в нём.

В яркий, солнечный день пионеры отправились в поход. Чтобы было не так жарко, ребята оделись в светлые костюмы. В тёмной одежде всегда жарче, чем в светлой.



(Объясните: почему?)

Сначала дорога шла лугом. Идти было легко, и путешественники быстро подошли к речке. Дальше пришлось идти по песчаному берегу. Ноги по щиколотку погружались в чистый белый песок. Сразу пришлось сбавить шаг.

(Почему по песку труднее идти, чем по твёрдой дороге?)

Далеко впереди ребята увидели человека, который рубил хворост. Его трудно было разглядеть, потому что и человек и окружающие его кусты были видны неясно, контуры их расплылись, и казалось, будто они колеблются и дрожат.

(Почему это происходит?)

Подойдя к дровосеку метров на двести, ребята видели, как человек поднимал топор, но удар был слышен не тогда, когда топор падал, а когда он подымался вверх. (Чем объясняется это явление?)

На пути ребятам встретился высокий, крутой холм. Путешественники устали и запыхались, но всё-таки преодолели и это препятствие. Скоро все они уже лежали на вершине под высокой сосной.

(Объясните: почему по горизонтальной дороге идти легче, чем подниматься в гору?)

Во время подъёма на холм ребята при помощи транспортира определили крутизну его склонов и измерили без всяких инструментов высоту сосны, под которой они расположились на привале.

(Как они это сделали?)

Когда путешественники спустились снова к реке, они измерили ширину реки, а также определили скорость её течения.

(Как они это сделали?)

На ночь путешественники расположились на берегу реки. Прежде всего они бросились в реку, испу-
пались, а потом, освежившись, занялись устройством лагеря.

На дне реки лежал большой камень. Ребята попробовали его сдвинуть и довольно легко подняли в воде, но на берегу не смогли вытащить: над водой камень оказался гораздо тяжелее, чем в воде.

(Объясните: почему?)

На привале ребята стали разжигать костёр, и тут поднялся спор о том, как лучше поджигать хворост: с той стороны, откуда дует ветер, или с противоположной?

(Как, по-вашему, нужно разжигать костёр?)

Ветер был слабый, и дым поднимался высоко вверх. Дым — это крошечные кусочки несгоревшего топлива. Они, конечно, тяжелее воздуха.

(Почему же они поднимаются вверх?)

Над костром повесили два чайника одинакового объёма: один круглый, другой цилиндрической формы.

(Какой из них скорее закипит?)

Чтобы вода закипела скорее, чайники накрыли крышками.

(Почему в закрытых чайниках вода закипает скорее?)

Наступил вечер. Солнце склонилось к горизонту и вскоре скрылось. Наблюдая



закат, ребята отметили, что солнце зашло не совсем на западе

(Можете ли вы сказать, в какой стороне горизонта зашло солнце?)

После захода солнца на небе показался серп луны.

(Подумайте, в какую сторону были обращены его рожки?)

ОТВЕТЫ

на задачи и вопросы, помещённые в «Тетради по физике» в № 4



Отвечаем любопытному Ване

Воздушный шар поднимается в воздух потому же, почему плавают корабли по воде: сила давления воды или воздуха выталкивает их вверх (вспомните закон Архимеда). Чем больше объём аэростата, тем больше сила давления воздуха; аэростаты наполняют лёгким газом, чтобы увеличить их объём и тем самым уменьшить их вес.

Если дом обращён фасадом к югу, то снег на крыше может таять при температуре воздуха ниже нуля, потому что лучи солнца падают на крышу перпендикулярно и сильно нагревают её. Вода, образовавшаяся при таянии снега, стекает вниз и снова замерзает в сосульку, потому что солнечные лучи падают здесь наклонно и греют слабее.

Одежда и обувь не греет нас, а сохраняет наше тепло, потому что в ткани и в обуви образуется слой теплонепроницаемого воздуха. Воздух не позволяет нашему телу охлаждаться, отдавать своё тепло. В тесной обуви слой воздуха меньше, чем в просторной. Вот почему мама и советовала Ване снять один носок, чтобы его ботинки стали просторнее.

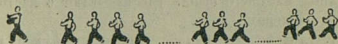
На обыкновенном катке лёд под коньками тает, и вода как бы служит смазкой, поэтому на льду можно кататься. На стеклянном же катке, политом водой, вода будет выдавливать-ся из-под коньков, и они не будут скользить.

Зимой наше полушарие получает мало солнечного тепла, и для нас большее значение имеет излучение тепла, накопленного землёй летом.

При безоблачном небе земля излучает много тепла и потому больше охлаждается. Облака, тучи задерживают тепловые лучи, поэтому зимой после выпавшего снега почти всегда следует потепление.

Скорость звука 340 метров в секунду. Солдаты, идущие на расстоянии 35 метров от ба-

рабанчика, услышат барабанный бой только через $\frac{1}{10}$ секунды; на расстоянии 70 метров звук барабана долетит на $\frac{1}{5}$ секунды позже и т. д. Поэтому солдаты, идущим в конце колонны, кажется, что они идут в ногу с передними, в такт барабану, а наблюдателю со стороны видно, что они идут не в ногу.



Задачи-загадки

1. Прежде всего пилу надо натануть. Это делается при помощи боковых планок, играющих роль рычагов; точка опоры — посредине действующая сила — натяжение верёвки. Верёвка натягивается при закручивании её; чтобы выиграть при этом в силе, применяется ещё один рычаг — небольшой кольшечек. Третий рычаг — ручки, с помощью которых можно поворачивать пилу.

2. Если консервы недостаточно стерилизованы, они могут испортиться. При этом происходит брожение, выделяются газы. Под давлением их крышка коробки выгибается наружу.

3. Мы привыкли к тому, что металлические предметы на ощупь кажутся холоднее деревянных. Это происходит оттого, что металлы — хорошие проводники тепла, они отнимают тепло от руки. Но в большую жару металлическая ручка двери может нагреться выше 37° и тогда она будет отдавать тепло руке.

4. Бумага, покрывающая гвоздь тонким слоем, не загорается потому, что железо обладает большой теплопроводностью. Гвоздь быстро поглощает значительную часть тепла, которое получает бумага от горящей спички.

5. В железобетонной конструкции и железо (арматура) и бетон расширяются и сжимаются одинаково. Если железо заменить другим металлом, от неравномерного расширения металла и бетона в бетоне появятся трещины.

6. Ветер уносит насыщенный водяными парами воздух, и поэтому в ветреный день сено сохнет быстрее.

7. Когда вы дуете поверх бумажной полоски, то давление воздуха сверху на полосу уменьшится. неподвижный, более плотный воздух под бумажкой устремится снизу вверх и поднимет бумажную полоску.



КНИГИ О НАСТОЯЩИХ ПИОНЕРАХ

Две книги о детях удостоены в этом году Сталинской премии: поэма «Павлик Морозов» и повесть «Улица младшего сына». И обе они написаны о лучших пионерах нашей страны.

Что же это значит — быть лучшим пионером?

Степан Шипачёв в поэме «Павлик Морозов», Лев Кассиль и Макс Поляновский в повести «Улица младшего сына» рассказывают о настоящих пионерах.

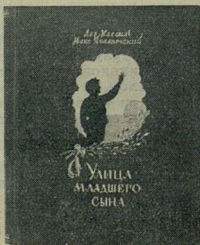
В глухой, занесённой снегами уральской деревушке родился и рос Павлик. Он стал пионером в полные напряжённой борьбы годы, когда отчаянно сопротивлялись последние кулаки, когда

Ещё, с сельсоветами рядом,
В полуночный свет окна
Стреляют волчьим зарядом...
Но правда на свете одна...

Видеть эту единственную правду научил пионера Павлика коммунист Зимин. Павлик — худенький, лобастый мальчик, совсем ещё ребёнок, самому ему не под силу разобраться в окружающем, но вот в Герасимовку приезжает коммунист Зимин. Павлик слушает его речь, и точно пелена спадает с его глаз.

Зимин говорил, —
И была видна
Не только Герасимовка —
Страна...

Мальчику делается ясен смысл происходящих в ту пору событий. А события эти огромны. Впервые исчезают межи, дробившие землю, трудовые крестьяне объединяются в колхозы. Страна идёт к счастью, к социализму, и Павлик понимает, что в этом правда. Он понимает, что он, пионер Павлик Морозов, должен стоять за эту правду, бесстрашно защищая её от врагов — кулаков.



За правду стоять — прекрасней
В жизни дороги нет.

Надо бороться со всеми, кто мешает торжеству правды — пусть это будет даже родной отец... И мальчик отстаивает правду...

Павлик погиб — кулаки его убили.

На землю, засыпанную листовкой,
Он пал, как солдат на передовой.

Каждый, кто прочитает поэму о Павлике, скажет: он жил и боролся, как настоящий пионер. ...Летом 1941 года, в самый канун войны, к маленькому домику в Алушке подошла группа ребят. И когда в окне показалось доброе лицо женщины с седыми волосами, ребята, выстроившись, отдали ей салют. Это пионеры-артековцы пришли к матери Павлика Морозова.

Среди этих ребят был мальчик из Керчи — Володя Дубинин. Вместе с другими положил он артековские розы возле портрета Павлика. Жадно слушал он рассказ матери Павлика о её сыне.

Всего десятилетие отделяет володино детство от пионерских лет Павлика; но как изменилась за эти годы жизнь! Враждебные силы подстерегали пионера Морозова. Володя Дубинин жил, окружённый друзьями. Все помогали ему стать настоящим человеком: отец-коммунист, сестра-комсомолец, школьные учителя, хороший пионерский коллектив.

Тёплым и солнечным, как родная Керчь, было володино детство. Правда, за которую погиб Павлик, восторжествовала. Во имя этой правды — сталинской правды, правды коммунизма — шли на труд и на смерть лучшие представители трёх поколений. Ради неё, когда настал трудный для Родины час, спугнулись вслед за старшими в сырые, тёмные каменоломни пионер Володя Дубинин. И он совершил свой подвиг, как и Павлик, просто, беззаветно и мужественно.

Честный, твёрдый в своих решениях, верный своему слову, всегда доводящий начатое дело до конца, требовательный к самому себе и к поведению своих друзей, настоящий пионер, Володя Дубинин стал смелым разведчиком.

Павлик и Володя погибли, но бессмертны они в нашей памяти!

Убит пионер. Но бывает
Бессильна смерть на земле.

Бессмертен герой-пионер, с честью носящий пионерский галстук, тот галстук, у которого три конца в знак нерушимой дружбы трёх поколений — коммунистов, комсомольцев и пионеров:

Для смелых сердец примером,
Ровесником пионерам
Он будет во все века.

Ю. Новикова

ПОВЕСТЬ О ТРУДЕ И ДРУЖБЕ

Сурова природа горного Алтая. Горделиво стоят великаны-горы, их снежные вершины уходят ввысь. Реки тут порожистые, бурные. На берегу одной из таких рек — бурливой Катунь — живут герои «Алтайской повести» Л. Воронковой.

Вы, ребята, знаете произведения этой писательницы «Девочка из города», «Село Городище» и другие. В новой книге автор затрагивает волнующие вопросы о том, каким должен быть настоящий друг, как помочь товарищу найти своё место в коллективе.

Всё в повести просто, жизненно, правдиво.

...Представьте себе интернат. Там в просторных, светлых комнатах живут ребята, съехавшие в школу из многих окрестных сёл. Это дружный ребячий коллектив. Ребят объединяет напряжённая учёба зимой, вдохновенный труд летом. Они дружат. Это крепкая дружба. Дружба без скидок и побряжек, такая дружба, когда другу говорят всё прямо, честно, без утайки, даже если эта «правда глаза колет».

Чечёк Торбогошева приехала в школу из небольшого затерянного в горах селения Ябаган. Трудно ей, своенравной и вспыльчивой, привыкать к коллективу. Вскоре после приезда в школу она списала сочинение у Лиды Корольковой. Этот нечестный поступок ребята решили обсудить. Мнения разделились. «Надо директору Анатолию Яковлевичу сказать», — говорили одни. Другие считали, что товарища выдать не следует.

На сбор зvena пионеры пригласили семиклассника Костю Кандыкова. Это ему Ягнай, брат Чечёк, уезжая учиться в техникум, поручил приглаждать за своей сестрой. Костя все доверяет: «Во-первых, он комсомолец. Во-вторых, он-то знает, что для Чечёк лучше». Костя предложил ребятам поговорить с Чечёк, он сказал, что Чечёк ещё не пионерка, что товарищи должны её воспитывать.

Большое дело — товарищеская помощь и поддержка. Чечёк поняла, что она поступила нечестно. Вечером она сдала учительнице самостоятельно написанное сочинение.

Теперь Чечёк старается хорошо учиться. Вместе со всеми ребятами она сажает яблони, ухаживает за ними, с увлечением разводит кроликов, участвует в драматическом кружке. В труде, в преодолении трудностей формируются и крепнут характеры ребят.

Первого мая Чечёк приняла в пионеры. Это был самый радостный день в её жизни.

Кончился учебный год, и Чечёк вместе с

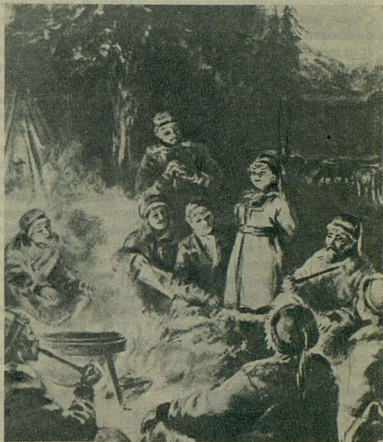


Иллюстрация В. Нащева к «Алтайской повести».

братом уезжает в родной колхоз. С увлечением работает она там на уборке сена. «Хорошо, когда у людей много работы, — значит, и добра у людей много и веселья много!» — думает Чечёк.

Вместе с дедом Торбогошем едет она в тайгу смотреть табуны. Поздно вечером у костра Чечёк читала пастухам стихи о новом Алтае и долго потом сидела и слушала разговор пастухов. Они говорили о том, как расцвёл Алтай за годы советской власти: оседлой жизнью живут теперь алтайцы, нет шаманов, обманывающих народ; из холодных, продырявленных аилов колхозники переселяются в тёплые, чистые избы; на полях гудят новые машины, убирая урожай. Растен труд на свободной, счастливой земле!

Герои повести гордятся своим краем, любят его, всеми силами стремятся сделать его ещё краше, ещё богаче.

Прочитайте эту правдивую и поэтичную повесть, ребята. Вы узнаете много нового об Алтае. А перевернув последнюю страницу, вы почувствуете, что сроднились с героями повести, что вам трудно с ними расстаться.

А. Осипов



Хитрая задача

В экспериментальном цехе завода сделаны восемь деталей для машины, совершенно одинаковые по виду. Семь деталей сделаны из одного и того же металла, восьмая деталь — из более лёгкого сплава.

Взвесив детали на весах только два раза и не пользуясь при этом гириями, надо определить, какая из восьми деталей более лёгкая.

Какое слово?

Слат, ангар, фара, влага, норма, среда, смола, кайма, тёрка.

В каждом из этих слов переставьте буквы так, чтобы оно превратилось в другое имя существительное. Выпишите по порядку первые буквы тех имён существительных, которые получаются, и вы узнаете, как называется слово, превращающееся в другое при перестановке букв.

Кросс

на мотоциклах

Участники мотоциклетного кросса должны были покрыть дистанцию, назначенную для пробега, в заданное время. Один из мотоциклистов, делая по 45 км в час, прибыл в конечный пункт на час раньше указанного срока. Другой двигался со скоростью 30 км и закончил пробег на час позднее, чем было нужно.

Как велика дистанция, назначенная для кросса, и по сколько километров в час проезжали те мотоциклисты, которые покрыли всё расстояние точно в заданное время.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 27/VI 1951 г.

Изд. 317.

82×110.

А 04351.

8 печ. л.

Тираж -- 115 000.

Заказ 1462.

Далеко ли почта?

Стерший вожатый послал двух пионеров из лагеря в село на почту за письмами и газетами.

У одного из ребят были часы, и он «засек» время, перед тем как отправиться в дорогу.

В тот момент, когда пионеры вышли за ворота лагеря, мимо ехал колхозник, который посидел ребят к себе на телегу. Так четверту часть пути они проехали со скоростью 10 километров в час.

Дальше ребятам пришлось идти пешком, потому что колхозник свернул к деревне, находящейся в стороне от дороги, которая вел к селу.

Вторую четверть своего пути пионеры шли со скоростью 6 километров в час, а третью четверть — на километр медленнее. К селу надо было подниматься в гору, и поэтому последнюю часть пути ребята прошли со скоростью 3 километра.

На почту они прибыли ровно через час после того, как отправились из лагеря.

Скажите, сколько километров от лагеря до почты?

И. Чкачиков

ОТВЕТ

на задачу, помещённую в № 6

Страничка из дневника

Значение условных топографических знаков в том порядке, в котором они помещены в тексте странички из походного дневника: 1. Фруктовый сад. 2. Огород. 3. Шоссе, обсаженное деревьями. 4. Пашни. 5. Хвойный лес. 6. Луг. 7. Курганы. 8. Тригонометрический знак. 9. Тропинка. 10. Болото. 11. Торфопереработки. 12. Дом лесника.

СОДЕРЖАНИЕ:

Пионерский флот. — Стихи П. Воронько	11 стр.
С приездом. — Рассказ Георгия Дмитриева. Рисунки Ф. Лемкуля	1 стр.
Дочь Кореи. — Н. Александрова	7
Большая Волга	10
Охота. — Стихи Ольги Кармышевой. Рисунки Е. Ребиковой	12
Пять минут. — А. Дорохов. Рисунки В. Константинова	13
У синих гор. — Повесть Андрея Иванова (окончание). Рисунки А. Ливанова и В. Трофимова	17
По просторам родной страны	29
Золотая рыбка. — Рассказ В. Архангельского. Рисунки П. Кузьмичева	34
Лермонтов и его сказка «Ашик-Кериб». — Ираклий Андроников	38
Монгольские сказки. — Записала и обработала В. Клюева. Рисунки Ю. Каскачи	44
Богатырь русской живописи. — И. Халтурин	47
Энергия солнца. — А. Морозов. Рисунки П. Рябова	50
Кляксы	53
Фома	54
Гидроузел на ручье	56
Будь готов к труду и обороне	58
Тетрадь по физике	60
В мире книг	62
В часы досуга	64
Наш календарь	III стр. обложки

На обложке картина Я. Титова

„В бассейне“



ВЕРНЫЙ СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Двадцать пять лет назад оборвалась жизнь славного сына партии большевиков, одного из строителей нашего государства, Феликса Эдмундовича Дзержинского. Эта прекрасная жизнь вся без остатка была отдана народу, отдана борьбе за свободу и счастье людей.

В юности Дзержинский прошёл суровую школу революционного подполья. Ему было девятнадцать лет, когда в первый раз за ним захлопнулись двери тюрьмы. Но ни томительные годы заключения в одиночной камере, ни мучительные ссылки по этапу в самые глухие углы Сибири, ни тяжёлые каторжные работы в рудниках — ничто не могло сломить его волю, его мужество, его преданность великому делу революции. Страдания и лишения лишь закаляли его дух. «Железный Феликс», — называли его друзья.

Партия всегда доверяла Дзержинскому самые трудные, самые тяжёлые и ответственные посты, зная его отвагу, честность, благородство, преданность делу. В дни гражданской войны Дзержинский был назначен председателем ВЧК — Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с врагами народа. Не щадя себя, не зная отдыха, почти без сна работал тогда Дзержинский. Одно упоминание его имени заставляло трепетать врагов.

Немало сил отдал Дзержинский спасению детей, оставшихся беспризорными.

За годы империалистической и гражданской войн много детей потеряло родителей. Сотни тысяч таких беспризорных ре-

бят скитались по городам и сёлам в поисках хлеба, голодали, нищенствовали, занимались воровством.

Чекисты под руководством Дзержинского устраивали детские трудовые колонии. Сюда собирали с улиц, вокзалов, рынков беспризорных ребят. Здесь их окружали заботой и вниманием, воспитывали, учили.

Феликс Эдмундович Дзержинский умер 20 июля 1926 года. Прощаясь со своим верным соратником, товарищ Сталин писал:

«Когда теперь, у раскрытого гроба, вспоминаешь весь пройденный путь Дзержинского — тюрьмы, каторгу, ссылку, Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, восстановление разрушенного транспорта, строительство молодой социалистической промышленности, — хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: горение. Горение и геройская отвага в борьбе с трудностями».



ПО СТАЛИНСКОМУ МАРШРУТУ

...В воздухе взвилась ракета. Огромный самолёт с ярко-красными крыльями тронулся с места и побежал, всё ускоряя движение, по бетонированной дорожке аэродрома под Москвой. На борту машины ярко выделялась надпись: «Сталинский маршрут».

Это было пятнадцать лет назад. На рассвете 20 июля 1936 года советский самолёт «ЦАГИ-25» начал беспримерный перелёт из Москвы к дальневосточной границе СССР.

Машину вели лучшие советские лётчики. Командиром самолёта был Валерий Чкалов, вторым пилотом — Георгий Байдуков, штурманом — Александр Беляков. Все трое задолго готовились к перелёту и не боялись испытаний, которые ждали их впереди.

Машина была тяжело нагружена горючим, чтобы его хватило на весь путь. Баки с бен-

зином заполняли даже крылья. Самолёт пробыл на взлётной дорожке больше полутора километров, прежде чем Чкалову удалось оторвать его от земли.

Так начался этот исторический полёт. Краснокрылая стальная птица неслась над льдами Баренцова моря, над заснеженной тундрой, над глухой сибирской тайгой, над пустынными хребтами гор, над бушующими волнами океана. Грозы и штормы преграждали путь. Угроза обледенения заставляла порой вести машину над самой водой, порой подниматься так высоко, что становилось трудно дышать.

Но мастерство и выносливость советских лётчиков выдержали все испытания. Три дня и две ночи самолёт находился в полёте. За пятьдесят шесть часов двадцать минут «ЦАГИ-25» прошёл без посадок 9374 километра и закончил свой путь на острове Удд (ныне остров Чкалов) в Охотском море. Весь мир убедился, что для советских лётчиков нет невыполнимых задач.



ПРАЗДНИК СОВЕТСКИХ МОРЯКОВ

29 июля — День Военно-Морского Флота.

Наша Родина — великая морская держава. Ни одна другая страна не имеет таких обширных морских границ, тянувшихся на 40 тысяч километров. По тринадцати морям, двум океанам и множеству рек проходят водные рубежи СССР.

Эти рубежи надёжно оберегает могучий советский Военно-Морской Флот.

В годы Великой Отечественной войны с германским фашизмом советские моряки с беззаветным мужеством охраняли наши берега от высадки вражеских сил, топили и уничтожали неприятельские корабли.

Сейчас советский Военно-Морской Флот зорко стоит на страже мирного труда советских людей и всегда готов защитить нашу Родину от любого врага.

ГИДРОУЗЕЛ НА РУЧЬЕ

